
КРУПНЫЙ ЖАНР: ПЬЕСА, ПОВЕСТЬ

Рагим Мусаев

(г. Тула)

МЕЙЛАХ В ОКТЯБРЕ

(ЁЛУПЕНЬ)

Трагикомедия в 3 действиях по мотивам одноименной повести Сергея Петрова (г. Слуцк, Беларусь)
Стихи Романа Казимирского (г. Бар, Черногория)

Писатель, драматург. Член Академии российской литературы, Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Лауреат Международной литературной премии «Славянские традиции» (2013).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Мейлах Кац.

Рахиль Менделеевна, она же Вавилонская Башня.

Миша, ее сын, он же Дантес.

Дора, соседка, она же Мендельсон.

Софья Борисовна, она же тетя Дуся.

Доктор Мозель, он же Марк Шагал.

Зураб, милиционер, он же Моисей.

Зеленая Коза.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Провинциальный дворик.

Явление первое

Милиционер, Рахиль, Миша, Мейлах (лежит, отвернувшись к стене).

Зураб: Ну и где труп?

Рахиль: Вы за что меня пугаете? Зачем труп?

Зураб: Почему за чем? Когда убивают, делается труп.

Рахиль: Это у вас делается, а у нас просто, человек лежит, как бешеный, и чего ему, паразиту, не плохо!

Зураб: Почему тогда не шевелится?

Рахиль: Для чего шевелиться, под ним нет дамы. Да он зубом убитый. Морально!

Зураб: Так его убили или не убили?

Миша: Да разве ж убили! Толком даже не постреляли.

Зураб: Кто стреляли? Из чего стреляли?

Миша: Да не стреляли мы. Ни из револьвера, ни из винтовки, ни даже из рогатки, что окна бьют.

Зураб: Зачем тогда он зубом убитый? А револьвер где?

Рахиль: Да какой револьверт, товарищ милиционер! Посмотрите на этого ёлупня, где у него револьверт? Он только умеет, что огорчать всех до потери сознательности своим никому не нужным талантом. Породистый еврей! За столько лет не то, что на скрипке, на патефоне играть не научился! Бездарность!

Зураб: Слушай, женщина! Не кричи. Отвечай на вопрос: где револьвер?

Миша: Да не было никакого револьвера. Мейлах ударился. О мамину руку. И выбил себе зуб. Последний. Теперь ему груши кушать нечем. А он их очень любит. И тогда решил застрелиться от всех неприятностей.

Зураб: Из чего? Ты думаешь, я ничего не знаю? Я все знаю. Он купил на рынке револьвер.

Миша: Да не он, а я. И не купил, а только спросил, где можно купить, и то шепотом. Мейлаху нужно было застрелиться, и я хотел помочь.

Рахиль: Ты хотел застрелить собственного отца?

Миша: Это ты говоришь, что он отец, а он говорит, что отцов у меня много было, а он не смог отскочить вовремя, вот и зачислили. И застрелить я его не хотел. Я просто хотел ему помочь расстаться с кошмарной жизнью.

Рахиль: Ой, люди! И что из такого ребенка дальше будит? Видите ли, ему нужно спрашивать револьверт. А гаубицу тебе не нужно? Пусть бы прикончил какую-нибудь музыкальную школу, хотя бы по классу собачьего вальса, что ли. И не думал бы о револьвертах. Нажимал бы черные и белые клавиши, радовался жизни. Но ты же не хочешь жить, как Додик Ойстрах, выпиливать на скрипочке рапсодии всякие. Тебе нужно стрелять... Вспомнишь мамини умные советы, да будит поздно, поезд утутукал!

Зураб: А ты знаешь, помощник, что за покупку пистолета и соучастие в убийстве можно в тюрьму угодить?

Рахиль: Какая тюрьма? Он же еще школу не прикончил. А способный мальчик. В три года он знает что сделал? Молоко из бутылочки выпил, а соску одел — на что ты думаешь? Именно там. А тетя Броха радовалась: «Гениальный ребенок! Пойдет в школу, всему научится!» Научился! Когда выключился на уроке свет, он учительницу поцеловал взапас! Так ее смутил, что оба ходили, облизывались. На это он тут, как здесь, а уроки делать — пусть у мамы болит гипертония!

Зураб: Не кричи, женщина! Эй, как тебя...

Рахиль: Мейлах.

Зураб: Мейлах, ты живой? (*Мейлах бурчит.*) Живой. Ты эти глупости брось, прикидываться трупом мертвого человека.

Мейлах: Все равно удавлюсь.

Зураб: Когда?

Мейлах: В октябре.

Рахиль: Опять в октябре! У него все в октябре. Вы не обращайтесь внимания, товарищ милиционер, это у него присказка идиотская такая. Чуть что спроси, когда делает, так у него все в октябре.

Зураб: Зачем в октябре?

Рахиль: Потому что идиот.

Миша: Он не идиот, он в интернате работает.
Рахиль: Интернат как раз для идиотов. Хотя это как посмотреть. Они там на всем готовом едят, спят, живут, государство им все это платит, и кто из кого идиот?
Миша: Он не идиот, он стихи пишет.
Зураб: Про партию, про коммунизм?
Рахиль: Если бы! А то все про любовь. Это разве поэт? Кому такие стихи надо? Их ни в газете не напечатать, ни в ЖЭКе не прочесть. Значит ни тебе пайка, ни гонорара, ни уважения. Идиот, прости Господи.
Зураб: Чем пахнет?
Рахиль: Это пирожки! Неужели сгорели!
Зураб: Горелым не пахнет.
Рахиль: Когда запахнет, поздно будет. Товарищ милиционер, помогите потушить пожар.
Зураб: А с чем пож... С чем пирожки?
Рахиль: Главное, чтобы не с углем!
Рахиль и Зураб уходят.

Явление второе

Мейлах, Миша.

Миша: Мейлах! Мейлах! Прости меня. Я хотел как лучше. Не слушай никого, твои стихи очень хорошие. Я точно знаю. Я помочь хотел.
Мейлах: Помочь? Я не милиция, мне не ври.
Миша: Ну... я... это... Ты сказал, что хочешь застрелиться, а я никогда не видел, как Мейлахи стреляются, и мне очень захотелось посмотреть.
Мейлах: Теперь верю.
Миша: Мейлах, ты правда решил стреляться из-за зуба?
Мейлах: А что?
Миша: Из-за зуба глупо. У тебя же все равно вставная челюсть во всем рту.
Мейлах: Челюсть. Только это был последний настоящий зуб. Мой! А теперь и его нет. Зачем мне такая жизнь? Понимаешь?
Миша: Понимаю. Вот я думал, что ты застрелишься. Даже дал твоей сестре Саре телеграмму в Израиль. Не веришь? Вот квитанция.
Мейлах (читает): «Мейлах готов». Почему готов?
Миша: Ну, чтобы дать телеграмму о смерти, нужно справку от врача показать, а ты еще был жив. И даже револьвер не куплен. Я и подумал, что пока телеграмма дойдет, все уже уладится, потому и написал так. Ты же говорил, что хочешь стреляться.
Мейлах: Говорил.
Миша: Ну вот. Только глупо из-за зуба.
Мейлах: А что не глупо?
Миша: Не знаю... Из-за несчастной любви.
Мейлах: Мне бы твои проблемы. И зубы.
Миша: А я знаю, как ты зубов лишился, мама рассказывала. Ты был на войне партизан-вундеркинд и выпил боевые сто грамм, чтобы не страшно, и заснул. А тебе пьяному комары глаза повыкусывали. И когда объявили тревогу, пальнул в воздух и пулей сбил с курса британский самолет, который послал к партизанам сам Черчилль, а прикладом попал по своим зубам. С тех пор экономишь на щетках и зубном порошке. Так?

Мейлах: Почти так. Тебе правда нравятся мои стихи?

Миша: Правда. Мейлах, а это правда?

Мейлах: Что?

Миша: Что ты мой отец?

Мейлах: Кто тебе сказал?

Миша: Мама.

Мейлах: А ты ее еще раз спроси, может, тебе она и расскажет. Если, конечно, сама знает.

Миша: Сама она точно не знает, она меня к тебе отправила.

Мейлах: А сам ты как думаешь?

Миша: Я думаю, что у нас всех общий отец — товарищ Сталин. Я даже похож на него, посмотри. Похож?

Мейлах (смеется): Похож. Только фамилия у тебя для грузина неподходящая: Крендельсон. Да и товарищ Сталин, государственный человек, не будет такими мелочами заниматься. За него нижние чины все сделают.

Миша: Мейлах... Ты только это... Не надо больше стреляться. Ну и что, что я не видел, как Мейлахи стреляются. Ведь живут без этого другие. И я проживу. И ты без зубов проживешь! Ведь проживешь?

Мейлах: Проживу. А ну марш уроки учить.

Миша уходит.

Явление третье

Видение Мейлаха.

Мейлах, затем Миша в образе Дантеса.

Мейлах: В стране столько военных, а пистолет в нужное время не в твоих руках. Пушкину с Дантесом еще повезло.

Дантес (появляясь): Кто нуждался в пистолете?

Мейлах: Ты кто?

Дантес: Я Пушкина убил.

Мейлах: Где ты был час назад?

Дантес: Я больше не стреляю.

Мейлах: Почему?

Дантес: А смысл? Нет в мире справедливости. Ведь попал кто? Я! А памятники поставили кому? Пушкину.

Мейлах: Может, договоримся? Выстрелишь?

Дантес: Как это?

Мейлах: Ну, за 30 серебряников, или... Я точно не знаю, сколько в таких случаях полагается.

Дантес: За кого вы меня держите? Я не предатель. И не убийца. Да, я стрелял. Но и в меня стреляли. Это была дуэль.

Дантес уходит.

Явление четвертое

Мейлах один.

Что воля мне, что неволя — мне
спорить с себя инородное.
Стереть с лица неприглядное.
Боли, мое неболимое.

Молчать бы криками скрытыми,
корить себя за ущербное.
Корытом мне, не корытом — мне
рулить с желудями верными.

И что свое, и что чуждое —
в единый колос сплетенное
родимое что-то почудится.
Что воля — мне. Что неволя — мне.

*Перед Мейлахом возникает Зеленая Коза.
Мейлах озадачен.*

Мейлах: Не может быть.

Коза исчезает.

Явление пятое

К Мейлаху входит Дора.

Дора: Почему же не может? Я так восхищаюсь вашей поэзией! Я так восхищаюсь вашими... стихами! Я так восхищаюсь вашими...

Сотвори мне кумира из множества тайн твоих.
Разорви и забудь. На просторе покорных залысин
есть как минимум двое, которым не страшно прожить
этот день, обходя стороной канцелярии тысячи тысяч.

Как там дальше? Помогите мне...
Читают вместе.

На краю световыворот-тень запретит нам любить.
Под неряшливым швом, знаешь, есть отголоски просветов.
Ты ведь знаешь, что крытая дерном землянка — святая обитель
для тех, кто привык отличать междулетье от лета.

Вот... Я понимаю, поэтам так положено умирать молодыми. Лермонтов, Есенин, Маяковский...

Мейлах: Пушкин.

Дора: Да. Теперь вы... Но ни у одного из них не было таких поклонниц, как у вас.

Мейлах: Какие там поклонницы...

Дора: А я? Разве меня мало?

Мейлах: Вы, это конечно. Вы — это не мало.

Дора: Как тонко вы чувствуете состояние женщины. А я тоже чувствую. Чувствую вашу поэзию... Чувствую ваши... стихи... Чувствую ваше...

Да и ветер — всего лишь возможность умножить слова.
Да и дождь — лишь текучее право не сбиться со слова.

Помогите мне...
Читают вместе.

Я живу — это путь доказательства «от непростого».
Я люблю — это путь извлечения жизни из сна.

Мейлах: Вам правда нравится? Тогда я посвящаю его вам.

Дора: О! Теперь я проникнусь к вам еще большей симпатией. А как же Рахиль Менделеевна?

Мейлах: Ей это не интересно.

Дора: Как может быть не интересна ваша поэзия... Ваши... стихи... Ваше...

Мейлах: Она женщина практичная.

Дора: Она часовой, охраняющий стратегический склад боеприпасов. А как она в своем магазине считает? (*Передразнивает*) Сорок плюс сорок — будит рупь сорок. Спички брал? Нет? Еще прибавляем рупь. Колбасу брал? Нет? Еще прибавляю два. Курить брал? Нет? Плати и проваливай. Ты не брал, так такой же пьяница, как ты, брал, а мне тоже жить нужно. А будешь спорить — выпивку в кредит не получишь! Завмаг!

Мейлах: Вы не такая. Вы...

Дора: Я...

Мейлах: Вы...

Дора: Я?.. Вы растрогали меня. За ваши стихи в мою честь я хочу дать вам маленький гонорар.

Мейлах: Что?

Дора: Да, гонорар хорошему человеку за слова, которые мне никто никогда не дарил и, видимо, не подарит.

Мейлах: Дора...

Дора: От последнего мужа осталось несколько золотых червонцев. Заклинаю, возьмите! Сделайте себе новые зубы!

Мейлах: Но тут много...

Дора: Сделайте новую вставную челюсть! Эта челюсть от чистого сердца! И не говорите «нет»!

Мейлах: Нет?

Дора: Нет!

Мейлах: Тогда ... да?

Дора: Как вы меня обрадовали! И обнадежили.

Дора (поспешно ретируясь): И не убивайте себя больше! Без меня.

Дора уходит.

Явление шестое

Входит доктор Мозель.

Мозель: Скажите на милость, это здесь проживал Мейлах Кац?

Мейлах: Да, здесь, только...

Мозель: Не надо кричать, я все знаю. Где он теперь сидит: в Бобруйске или в столице?

Мейлах (настороженно): А что еще вы хотите знать про Мейлаха?

Мозель: О! Ничего личного. Мне только нужно знать, где он сидит. Есть деликатное дело. Помогите, и я вас хорошо отблагодарю.

Мейлах: Так давайте уже благодарите меня. Дело в том, что Мейлах сидит не в Бобруйске и не в столице. Мейлах сидит перед вами. Мейлах — это я. Можете отблагодарить меня, как обещали.

Мозель (изумленно): В таком случае, прошу вас подойти ко мне ближе. Еще ближе. Да прижмитесь уже ко мне!

Мейлах: Боюсь, я не почувствую удовольствия.

Мозель: Главное, чтобы мы вместе почувствовали безопасность. (*Шепотом*) Я принес деньги от вашей сестры из... (*делает неопределенный жест головой*).

Мейлах: Откуда?

Мозель: Из... (*повторяет жест*).

Мейлах: А, из Израиля. Какие деньги?

Мозель: Какие-какие... (*тот же жест*).

Мейлах: Не понимаю.

Мозель: Да не могу я говорить вслух подсудные вещи. Вы что, из дурдома?

Мейлах: Да.

Мозель: Вы серьезно?

Мейлах: Я там работаю.

Мозель: Хорошо платят? Ладно. Вашей сестре пришла телеграмма, что вас арестовали в тюрьму, и она передала (*тот же жест*), чтобы дать кому надо и выпустить вас на свободу.

Мейлах: Много?

Мозель: Чего?

Мейлах: Ну... (*повторяет жест Мозеля*).

Мозель: Ах, это! Чтоб я так жил! Хотя бы вполовину. И вы вполовину. Согласны? В нашем деле главное, что вы на свободе, а в таком случае, нам не нужно отдавать врагам наши сбережения.

Мейлах: Но это как-то...

Мозель: Как?

Мейлах: Ну...

Мозель: Вы что, из дурдома? Ах, да... Поймите вы, Сара давно оплакала потерю этой суммы, а если ей их вернуть обратно, она опять расплачется от неожиданности. Мы должны беречь ее здоровье. Это я вам как врач говорю. Зачем ей два раза плакать по этим деньгам, пусть лучше радуется, что вы на свободе! Неужели вам совсем не нужны деньги? С такой суммой из той страны в этой можно начать новую жизнь.

Мейлах: Можно вернуть деньги за зубы...

Мозель: Я вас умоляю! Каждый зуб можно отправить в санаторий с компотом и душем Шарко! Вот ваша доля, а это моя. И если встретите меня на улице или в милиции, можете не здороваться. Будьте здоровы.

Мозель исчезает.

Мейлах прячет деньги под фундамент дома.

Явление седьмое

За сценой крики Рахили: «Вот, паразит! Куда удумал!»

К Мейлаху входит Рахиль.

Рахиль: Вот паразит! Если я не замужем, это еще не значит, что я готова защищать советскую власть со всеми милиционерами города. Это Ленину все покоя не было — то по ссылкам, то по шалашам, а между делом полное собрание сочинений писал. Чего не хватало? Революции. Сделал. И нет, успокоиться! Начал бревно по субботам таскать. А Фаня Каплан не хотела, а может, за Надю или Инессу заревнова-

ла. И чего? Что молчишь? Это все по твоей вине. Женился бы на мне и все. И я бы спокойней была, и ты бы сразу жить захотел.

Мейлах: Зачем тебе это?

Рахиль: Чтобы друзья и соседи смотрели и завидовали, какая я молодая и красивая с сыном и мужем.

Мейлах: Зачем?

Рахиль: Так принято. Так у всех!

Мейлах: Но ты — не все.

Рахиль: Да. Поэтому все и должны знать, что я самая-самая-самая...

Мейлах: Все? И кому от этого стало бы теплее? Нужно ли все это затевать?

Рахиль: Мне нужно. Поверь на слово, или я...

Мейлах: Рахиль, не начинай.

Рахиль: Или что? Или тебе напомнить? Миша — чья работа? (*Кричит*) Миша! Иди ко мне, я хочу что-то тебе говорить! Иди быстрее, это важное, а я уже старая.

Миша (из-за сцены): Что опять? Я уроки учу.

Рахиль: Ничего, я на поезд не опаздываю.

Мейлах: Подожди, давай поговорим...

Явление восьмое

Те же и Миша.

Миша (входя): Что случилось?

Рахиль: Ничего, Мишенька. Иди пока, вырви мне лука. Одну цапочку. И все.

Миша: Mam, лук за домом. Ты же только оттуда, и сама могла вырвать. Нет, не поленилась, позвала меня.

Рахиль: Зачем мне эти хлопоты? Я хочу, чтобы это сделал мой сын. Мне будит приятно, что ты такой заботливый про маму, ни то, что некоторые. Вырви, Миша, а я скажу тебе пару интересных умных слов для порядка.

Миша идет за луком.

Явление девятое

Те же без Миши.

Рахиль: Ну?

Мейлах: Что?

Рахиль: Когда ты возьмешь меня в свой паспорт?

Мейлах: В октябре.

Рахиль: Опять в октябре! Ты что, Ленин, чтоб в октябре? Ты на себе в паспорт погляди. Там до самого декабря недолго! В октябре! Кому ты нужен! Пропадешь!

Мейлах: Ты когда-нибудь летала во сне?

Рахиль: Куда?

Мейлах: Вверх.

Рахиль: Зачем вверх? Это куда?

Мейлах: К облакам. Интересно, они там мягкие?

Рахиль: Кто мягкие? И где это там? Ты мне зубья не заговаривай. Тоже мне, Гагарин! Что это за хлюст приходил? Сколько он тебе отвалил в пакете? Давай посчитаем вместе, чтобы знать, за что сидеть на допросе. Или ты думаешь, я ни знаю, где ты их спрятал? Нет, если ты хочешь, то я не настаиваю. Гибни своими же руками. Каждому себе.

Мейлах: Я...

Явление десятое

Входит Миша.

Миша: Вот лук. Все?

Рахиль: Ой, Миша! Пусть бы ты еще вырвал укропа! Ты же знаешь, что лук без укропа такой же в супе одинокий, как ты без своих дружков.

Миша: Тебе что, делать нечего?

Рахиль: На кого ты фыркаешь? На маму, которая тебе ест и пьет! И тебе не стыдно против мамы? Перестань сказать для мамы такие поносные слова. Ты знаешь, как я тебя рожала? Ни знаешь. Это не такое веселое занятие. Не обижай маму и иди. Ты мой сын и должен терпеть, какая я хорошая.

Миша уходит.

Явление одиннадцатое

Те же без Миши.

Рахиль: Пора уже немедленно осваивать ЗАГС. Или ты будишь мучить любимую женщину без конца долго? Кто тянет с браком, тот замучает с разводом! Или ты согласный сказать «да», или позовем милиционера считать деньги в не нашей валюте?

Мейлах: Тебе скучно без того милиционера? Что ты в нем нашла?

Рахиль: Можно подумать, ты в это время не проводил дегустацию Доры! Или ты думаешь, я не знаю про зубы? Ты ж без меня, как суп без соли. Теперь я твоя. Бери меня с Мендельсоном!

Мейлах: С кем?

Рахиль: Тебе уже неважно, но скажу, что под марш Мендельсона ставят штампы в паспорте!

Мейлах: Да!

Рахиль: Ты кому сказал это «да»?

Мейлах: Твоему паспорту. Ты же этого хотела.

Рахиль: Хотела. А что таким тоном?

Мейлах: Все тебе не так. Что ни слово, все у тебя поперек.

Рахиль: Что ты сказал, старый прохвост, на приличную женщину? У кого пипирек? У меня пипирек! Если ты не разбираешься в устройстве женщины, так ни надо говорить, что тебе в твою бошку въехало. Это же надо придумать такое — пипирек! К твоему запоздалому развитию, у всех одинаково! Если не веришь, спроси у Доры, она все расскажет, покажет и даст попробовать! Не хочу тебе ничего плохого, но пожелаю, чтоб за твои слова отсохнул твой паршивый язык! Так и знай, я согласна.

Уходят.

Явление двенадцатое

Видение Мейлаха.

Мейлах и Дора-Мендельсон.

Я живу, как могу, согреваю себя, как умею.
Приготовь мне, родная, свое приворотное зелье.
Если ночь извалялась в золе, утро будет светлее —

утром будет легко отыскать все отдушины в теле.
Где не падал — бежал, добежал — окопался в постели,
где не гнезда не вьются не там, не затем и не с теми.

Приготовь мне, родная, свое отворотное зелье,
чтоб отбрасывал тень и в тени был свободным от тени.
И на белом листе нарисую оранжевый взгляд.
И на белых манжетах не будет дороги назад.

Дора-Мендельсон: Это вы тот самый известный поэт Мейлах?

Мейлах: Ну, не такой уж и известный...

Дора-Мендельсон: Не могли бы вы написать стихи к моему маршу?

Мейлах: К какому маршу? Дора, откуда у вас марш?

Дора-Мендельсон: Я не Дора. Я Мендельсон. Да-да, тот самый. *(Напевает мелодию марша)* Та-та-таратам-парарам-тарарам-трампарам... Так как насчет слов к моему маршу?

Мейлах: Мендельсон, он же мужчина, а не женщина.

Дора-Мендельсон: Конечно. Только женщиной Мендельсону быть безопаснее. И не так больно.

Мейлах: Как это?

Дора-Мендельсон: Просто мужчины женщин обычно не бьют. Обычно.

Мейлах: А женщины?

Дора-Мендельсон: А женщины меня за мой марш, наоборот, очень любят. Вы замечали, какого цвета платье у невесты?

Мейлах: Белое.

Дора-Мендельсон: А костюм жениха? Вот. И все женихи считают, что виноват в этом бедный Мендельсон. А что я? Я только жал на белые и черные клавиши.

Мейлах: Черные, как женихи, и белые как невесты?

Дора-Мендельсон: Да, стихи у моего марша появятся нескоро.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление первое

Мейлах, Рахиль.

Рахиль (выходя из дома): Как я выгляжу в крашенных губах? Правда, хорошо? Я только месяц замужем, а мой законный муж даже ни поддерживает меня под руку. Я же могу упасть на землю, или ты собирался меня беречь, как зеницу ока только до свадьбы? Ты точно не пойдешь со мной к Шагалам за солью?

Мейлах: Привет от меня Шагалам.

Рахиль: Не скучай без меня. Я скоро. Одна нога здесь, другая тоже ни далеко. А пока можешь постирать. Ты же не забыл, что ты теперь семейный человек?

Мейлах: Я?

Рахиль: Пора уже входить в свои обязанности. Мы с Мишей ни согласны носить нестиранное белье. У нас есть муж, любитель груш!

Мейлах: Разве бельем должен заниматься муж?

Рахиль: Должен же ты заниматься чем-то полезным.

Мейлах: Я занимаюсь.

Рахиль: Чем? Или ты думаешь, что твои стишки — это занятие для настоящего мужчины? Назови хотя бы одного приличного мужчину, который пишет стихи!

Мейлах: Пушкин, Есенин, Маяковский.

Рахиль: Так они поэты.

Мейлах: А я?

Рахиль: А ты еще слишком живой, чтобы за твои строчки платили деньги. Так что бери таз и стирай.

Мейлах: Раньше...

Рахиль: Раньше, когда ты был холостой, ты выгулялся и написался. Теперь пора работать! Так, (*поправляя грудь*) вату подложила, платочек на случай счастливых слез взяла. И, надеюсь, ты не станешь проводить дегустацию Доры в мое отсутствие?

Рахиль уходит.

Явление второе

К Мейлаху входит Миша с ведром воды.

Миша: Я тебе воды принес. Ты не думай, что она плохая. Думаешь, легко ей одной такого оболтуса, как я, в люди выводить? Тебя она тоже любит.

Мейлах: Как любит?

Миша: Как умеет, так и любит.

Мейлах: Тогда будем помогать.

Миша: Будем! А как?

Мейлах: Как умеем, так и будем. Тащи таз.

Миша: Этот?

Мейлах: Да, лей в него воду (*указывает на белье*). Это что ли в стирку?

Миша: Ну да.

Мейлах: Тащи прищепки.

Мейлах берет по очереди вещи, окунает в таз и как есть вешает на веревку.

Миша (с прищепками): А... мыло?

Мейлах: А мыло экономить надо. Не дворяне.

Миша: Так оно же... Разве стирают так? С бельем так нельзя.

Мейлах: А со мной так можно?

Миша: Мама будет ругаться.

Мейлах: Все женщины ругаются, такой уж у них организм. Они без ругани, как без витаминов.

Миша: Разве у всех?

Мейлах: Исключения внесены в «Красную книгу» и лишь подтверждают правило. Поверь моему женскому опыту.

Миша: Это да, по женской части опыт у тебя... Мейлах, а как это, с женщиной?

Мейлах: Вырастешь — узнаешь.

Миша: Я вырос. Но я стесняюсь.

Мейлах: Ты умеешь стесняться? Ой! Или ты думаешь, я не знаю про Тамару и про то, какой вы с ней занимаетесь математикой?

Миша: А мама знает?

Мейлах: Главное, чтобы Тамарин муж не знал.

Миша: Ну, с Тамарой, так она первая начала приставать, я ответил тем же. А сам я не знаю, как к ним подойти.

Мейлах: Ладно, математик, начнем с прописных истин. Не нужно стесняться того, что в человеке заложено природой. Женщины придуманы для того, чтобы нравиться мужчинам, и наоборот. Иначе кто бы строил светлое будущее?

Миша: Кто?

Мейлах: Никто. Некому было бы. В отличие от нас женщины хитрее, коварнее и умнее. И это вне зависимости от образования. Но, в конечном итоге, мысли у женщин и у мужчин совпадают. Только, мужчины добиваются, а женщины — выворачиваются. Поэтому что?

Миша: Не знаю.

Мейлах: Наша задача сделать эти выверты удобными в свою пользу, чтобы она выворачивалась, а обоим от этого было бы хорошо. Понял?

Миша: Да. Не понял.

Мейлах: Восхищайся ею, ее красотой, ее умом, ее стряпней, даже если...

Миша: Если восхищаться нечем?

Мейлах: Это нужно в первую очередь тебе. Будешь ею восхищаться — сам привыкнешь, что она красавица, умница, хозяйюшка. И ты будешь счастлив! И она.

Миша: А я точно буду? А если она мне не нравится?

Мейлах: Так какого черта ты к ней прилип, если не нравится? Оставь ее тому, кому она понравится. Ты же тоже не всем понравишься.

Миша: Почему?

Мейлах: Закон природы. У каждого яблока своя половинка.

Миша: В школе законы, здесь законы.

Мейлах: Никогда не ной. Будь смелым и уверенным. Хотя бы на словах. Женщинам это нравится. И никогда не лишай ее надежды, но и лишнего не обещай — получишь упреки. Еще узнаешь. Это для далеко идущих планов, а ты только начинаешь радоваться жизни. Ты еще, может быть, взлетишь.

Миша: Куда?

Мейлах: К облакам!

Миша: Зачем?

Мейлах: Чтобы увидеть, как наша Земля прекрасна.

Миша: Вся земля? И помойка за нашим домом тоже?

Мейлах: Если подняться очень высоко, то помойка покажется такой маленькой, что ты ее и не заметишь.

Миша: А людей заметишь? Они же тоже маленькие будут?

Мейлах: Люди не бывают маленькими. Просто некоторым не повезло, и они не знают, как это, летать.

Миша: А Тамара знает?

Мейлах: Тамара... Может, и знает. Ты — ее полет. Ты — подарок, неожиданный праздник.

Миша: Я — праздник?

Мейлах: Ну да! Соответствуй! Радуй, будь нежным и внимательным. Женщины в обычной семейной жизни этого не видят, а потому тебя сразу оценят. И чего не умеешь — научат. Главное, чтобы муж не узнал.

Миша: А если узнает?

Мейлах: Это отдельный разговор. На первый раз достаточно. Переваривай! Кстати, чего это Рахиль пошла за солью к Шагалам? Может, у Доры есть? Пойду, спрошу.

Миша: Спроси. Тем более, у нее мужа нет.

Мейлах: Быстро учишься.
Миша: Чья школа!
Мейлах: Ты здесь заканчивай, если что, дай сигнал.
Миша: Какой?
Мейлах: Громкий.

Уходит.

Явление третье

*Миша воюет с бельем.
Появляется доктор Мозель.*

Мозель: Скажите на милость, вы и есть тот самый Миша?

Миша: Да. Только мама сейчас занята, она за солью пошла. А Мейлах, он тоже пошел. За солью.

Мозель: Очень хорошо, я как раз хотел поговорить с тобой.

Миша: О чем?

Мозель: О жизни. Ведь с моей женой Тамарой это ты дружишь? Дружба — большое дело, если знаешь, когда и зачем.

Миша: Я только...

Мозель: Знаешь, Миша, я ведь тоже был молодым, красивым, жарким и острым, как жгучий перец. Но со временем, как говорится, укатали Сивку крутые бабы! То, что тебе нравится у моей Тамары, меня уже пугает. И чем дальше в лес, тем ну его к черту!

Миша: Куда?

Мозель: Ты этого не понимаешь, пока молодой. Я в свое время тоже любил заниматься «математикой» и не только в уме извлекал корень. В общем, спасибо тебе за добросовестные занятия.

Миша: За что?

Мозель: Не надо, Миша! За хорошее не оправдываются. Я сам в свое время начал подобным образом. Способ не новый, но понимающего мужа любовницы найти сложнее, чем любовницу. Считай, тебе вдвойне повезло.

Миша: Как это вы такое придумали?

Мозель: Жизнь заставит — не такое придумаешь! Видишь ли, Миша, я люблю свою жену, а настоящая любовь — это то, что соединяет мужчину и женщину, когда они оделись. Так я окончательно оделся. А почему бы ей не пощеголять в том интересе, когда женщине одеваться еще рановато? Не с топором же мне за женой гоняться, чтобы посадили на долгие годы. Молодую и красивую все оправдают, а старого и страшного, да к тому же неисправного по нижней части, никто не пожалеет.

Миша: Я...

Мозель: Это я тебя рекомендовал Тамаре. Она довольна. Хвалила. И мне спокойно. Только у меня одна просьба: никогда не трогай приготовленные для меня котлеты и фаршированную рыбу. Сало можешь кушать. Я не жадный. Ну, будь здоров. Считай это вкусным бесплатным уроком, как правильно понимать жизнь.

Мозель уходит.

Явление четвертое

Входит Рахиль и довольно разглядывает развешанное белье.

Рахиль: Ну вот! Другое дело! А говорят, от поэтов толку как от козла молока. Можешь же, когда захочешь.

Миша: Может.

Рахиль: Это ты здесь? А где Мейлах?

Миша: Он прилечь пошел, я сейчас его позову.

Рахиль: Не надо. Пусть себе полежит. Вот что значит нет привычки к труду. Ничего, я из этого поэта человека сделаю. Сядь, я расскажу тебе что-то полезное. У Шагалов был племянник. Воспитанный мальчик, но попал в плохую компанию и стал красками бумагу пачкать. И ладно бы раскрашивал буквы: «Миру — мир». Так нет! Стал рисовать, как он летает над городом с облаками, и зеленую козу.

Миша: Разве летать, это плохо?

Рахиль: Родился бы птицей — летал, а родился с ногами — ходи по земле.

Миша: Как зеленая коза?

Рахиль: Почему зеленая?

Миша: А почему коза?

Рахиль: Потому что ёлупень. Так и пропал где-то за границей. Вот что бывает, когда не слушают маму, тогда и коза зеленая.

Миша: Я слушаю, я всегда тебя слушаю, мама.

Рахиль: Ты куда так кричишь? Хочешь Мейлаха разбудить?

Миша: Я пойду, мне нужно.

Рахиль: Куда тебе опять нужно? Когда ты уже возьмешься за светлый ум и станешь просклизнуть в достойное общество? Посмотри на Шагалов с детьми, папа — завмаг. Стакан чая и кусок сыра он всегда иметь будит, даже если эта кому-то не нравится.

Миша: Мама, я еще даже школу не закончил. Рано мне жениться.

Рахиль: Знаю, какой тебе рано! Ты кого вчера на танцах заблуждал, пока ее муж на дежурстве в больнице? А после танцев? Думаешь, я не знаю про Тамару? Вокруг столько полезных девочек, а ты нашел замужний пеникантроп и хочешь быть в ин-тэрэсе?

Миша: Мама, не надо.

Рахиль: Тебе не надо, маме надо! Посмотри на Мишалов. Дочка Белочка вся из себя. Ее папа торгует пивом на косой мостик. Он же себе может, что хочешь! И такой персик тебе ни надо?

Миша: Я пиво не пью.

Рахиль: Знаю, что не пьешь. Лакаешь! Хотя раз задумайся не о том, как всегда, а за жизнь. Тебе все фигли-мигли, а жизнь — это ой, ой, ой! Ладно, ставь таз и иди на свои танцы, а то тебе до них еще нужно успеть стать старше на два стакана портвейна.

Миша убегает.

Явление пятое

Рахиль пока одна.

Рахиль: Хотя бы белье выстирано. Интересно, то жирное пятно отошло? Где же оно. Вот. Поэт безрукий. (*Рассматривает белье на веревке*) А это что? Да оно только вполовину мокрое. И это. А здесь грязь. Кто так стирает? Мейлах!

*На последних словах появляется Мейлах.
Судя по всему, Миша успел вовремя.*

Рахиль: Мейлах, хочу тебя обрадовать, похоже, скоро ты станешь папой!

Мейлах: А что, Ватикан сообщил, что папа Римский уходит на пенсию или ему ни здоровится? Так я же не католик, а иудей! Хотя лучше еврея с их папством все равно никто ни справится.

Рахиль: О чем ты говоришь, я ни это имела в виду. Я немножко беременна. Как ты на это смотришь?

Мейлах: Никак, я не гинеколог. Лучше скажи, как это у тебя получилось?

Рахиль: Мейлах, Мейлах... Ты ни знаешь, как это получается? Так спроси у Миши, он тебе все объяснит, будешь знать. Лучше мне объясни, что ты собираешься по этому поводу делать?

Мейлах: Может, само рассосется?

Рахиль: Такая конфета сама не рассасывается. И белье само не стирается. Если только твой будущий сын узнает, какой ты безрукий и решит, что такой отец ему не нужен.

Мейлах: Это почему же?

Рахиль: Потому что ты ёлупень!

Мейлах: Зачем же ты меня на себе женила?

Рахиль: Я думала, от тебя будет польза, а ты даже постирать нам с Мишей не способен.

Мейлах: Стирка — женское дело.

Рахиль: А мужское дело — бумагу своими каракулями поганить.

Мейлах: Чисто не там, где муж стирает, а там, где жена домовитая.

Рахиль: Что ты сказал?

Мейлах: Повторить?

Рахиль срывает с веревки мокрое белье и бьет Мейлаха по лицу.

Мейлах: Если ты еще хоть раз позволишь себе такое, так и знай, терпеть не буду. Обижусь!

Рахиль: Что ты сделаешь?

Мейлах: Обижусь.

Рахиль повторяет удар.

Рахиль: Перестираешь, как следует. Проверю и повешу.

Мейлах: Кого повесишь?

Рахиль: Решу после стирки.

Рахиль уходит.

Морскими милями грусть.
Кто ты сегодня? Сегодня ты что?
Я боюсь о тебя.
Я тебя боюсь.
Ты — моя соль. Я — твоё нечто.
Твое вскрытие.
Последняя капля в ладонь.
Твоя гончая, несущая в пасти труп.
Твое зрение мимо меня и сквозь.
Твой согнувшийся в низком поклоне гвоздь.

Явление шестое

Видение Мейлаха.

Мейлах и Зураб в виде Моисея.

Мейлах: Кто ты?

Моисей: Моисей.

Мейлах: Разве грузин может быть евреем?

Моисей: Может. Даже русский может. Иногда.

Мейлах: Ты сорок лет водил евреев по пустыне. Зачем?

Моисей: Я спасал свой народ.

Мейлах: Сорок лет? Не верю.

Моисей: Ладно, тебе скажу. Была у меня жена... В общем, мне все равно было, где ходить, лишь бы от нее подальше.

Мейлах: Верю. А за что Бог наказывает меня?

Моисей: За грехи. Или ты думаешь, он не знает, что ты изменил заповедь «не прелюбодействуй» на удобную тебе «не перелюбодействуй»?

Мейлах: И как же с ним договориться? То есть, как искупить вину?

Моисей: Отнеси полученные от сестры деньги раввину на дела местной еврейской общины.

Мейлах: Раввин объяснит за меня Богу, а в общине, если потребуется, подтвердят. Скажи, если ты вел всех в землю обетованную, то как евреи оказались здесь?

Моисей: А как здесь оказались грузины?

Мейлах: Как?

Моисей: Так же, как и русские. Ходили без навигатора, вот и забрели. Люди увидели, что здесь не пустыня и жить можно. А что я им мог предложить кроме ломтя хлеба на всю компанию? Я же ушел из дома с одной зубной щеткой. Вот твой предок здесь и остался.

Мейлах: А ты куда смотрел?

Моисей: А что я? Я предупреждал, что его потомки тут еще наплачутся. Куда там. Так здесь и появились евреи.

Затемнение.

Явление седьмое

Рахиль вешает перестиранное белье. К ней со своим бельем выходит Дора.

Рахиль: Опять пришла своими панталонами на веревке моего Мейлаха конфузить? Ему, дураку, не много надо.

Дора: Зачем вы так про Мейлаха? Он же хороший человек. И ума палата.

Рахиль: Какая там палата!? Скажи ума скворечник, я соглашусь.

Дора: Как можно так говорить о собственном муже?

Рахиль: Вот именно, о собственном. Не о чужом.

Дора: Что вы хотите этим сказать?

Рахиль: Я не хочу, я прямо говорю. Еще раз тибя рядом с Мейлахом увижу, пеняй на себя.

Дора: Что?

Рахиль: Ноги вырву.

Дора: Не кричите на меня.

Рахиль: Что же, краковяк с тобой танцевать? Я знаю, какая ты хитрая! Вроде тихая, в библиотеке работает! А в прошлый раз у меня в гостях все хвалила капусту, а трескала колбасу и свое родное сало! Если я позволила ему вставить твои зубы из какого-то золота, это не значит, что я разрешу ему ходить в твои распахнутые двери. Ему и моих хватит ходить. Что ты понимаешь в мужчинах?

Дора: Не вам судить, кому и в какие двери входить. Между прочим, это не какое-нибудь золото, а еще царское.

Рахиль: А принеси-ка справку из милиции на это золото? Они выпишут и справку, и повестку, и даже номер статьи припишут красным карандашом. Тебе сделают квитанцию на оборот драгоценных металлов, а уж весь оборот они устроят сами.

Дора: Тише вы...

Рахиль: Или ты хочешь моего Мейлаха укокать, как своего старого Миколу, от которого тебе эти червонцы и достались? Устроила ему «Девятый вал», как на открыжке у Айвазовского, а ему в таком деле даже легкий бриз уже поздно. Так трупопотолог сказал. Сердце лопнуло, и все. Накрылся капютом!

Дора: Как вам не стыдно!

Рахиль: А чтобы твое любопытство порадовать, так я тебе прямо скажу: когда я с Мейлахом ругаюсь, это его возбуждает на подвиги. Это наши маленькие хитрости.

Дора: Зачем вы это мне рассказываете?

Рахиль: Чтоб ты не забывалась. Ничего, пусть изобразит из себя кавалера с твоими зубами наперевес. Тебе будет приятно, и мне интересно! Мне теперь нужны положительные эмоции. Я же теперь беременна. Наверное.

Дора: Как?

Рахиль: Вот так. Я же молодая жена. А не старая девушка, как некоторые.

Дора вспыхивает и убегает.

Явление восьмое

Входит Миша.

Рахиль: Ты куда это собрался?

Миша: Никуда.

Рахиль: Не ври матери.

Миша: Я не вру.

Рахиль: Врешь!

Миша: Хорошо, вру.

Рахиль: Молодец, честный мальчик. Теперь помоги маме по хозяйству.

Миша: Так белье вроде Мейлах перестирал.

Рахиль: Нужно сходить к Тамаре.

Миша: Куда?

Рахиль: К твоей Тамаре. Или что, дорогу забыл? Только сходить нужно не для своего удовольствия, а для мамино.

Миша: Как это?

Рахиль: Ты передашь ей эту записочку, а она отдаст ее своему мужу. Понял?

Миша: Нет.

Рахиль: Вот и хорошо. Ну, что смотришь? Беги к своей Тамаре, и можешь быстро не возвращаться.

Миша: Ага.

Миша убегает.

Явление девятое

Входит Мейлах.

Рахиль: Вот видишь, как хорошо, когда все выстирано. И нам чисто, и тебе спокойно. И обижаться не нужно.

Мейлах: Давай про это не будем.

Рахиль: А про что будим? Станный человек. Послушай, Мейлах, а зачем нам твои новые зубы?

Мейлах: Ты хотела сказать, мои новые зубы.

Рахиль: Эгоист. Я хотела то, что сказала. Ты живешь в семье, и у нас все общее, пока смерть не разлучит нас. Зачем нам твои новые зубы? Тебе уже не нужно меня завлекать, я уже завлекла тебя. Давай продадим зубы и купим для Миши часы. А то он без часов не знает, когда от Тамары приходит домой, а я беспокоюсь, что еда остывает.

Мейлах: А как же мне без зубов? На одной кашке долго не протянуть.

Рахиль: Ты же не один! У тебя теперь есть сын! Если захочешь мяса или чего твердого, то Миша тебе будит жевать и в рот плевать. Знаешь, как он ловко это делает? С пяти шагов в муху попадает! А ты лежи себе и, как крокодил, только рот открывай.

Мейлах: Рот? А ты так уже пробовала?

Рахиль: Зачем я?

Мейлах: Для эксперимента. Я посмотрю, как это легко и приятно, и, наверное, соглашусь.

Рахиль: Я что тебе, собака Павлова, на мне эксперименты ставить? Вот собственник! Все себе да себе! А когда уже ты будишь думать о близких? Или ты уже забыл, что я беременна?

Мейлах: Когда ты успела?

Рахиль: В октябре!

Мейлах: Ты уверена?

Рахиль: Почти что да.

Мейлах: То есть анализы ты не сдавала.

Рахиль: А без анализов ты мне уже и не веришь?

Мейлах: Тебе?

Рахиль: Мне!

Мейлах: Верю. Просто хочу удостовериться. Принеси бумажку.

Рахиль: Какую еще бумажку?

Мейлах: С печатью. От врача. Ведь ты без печати на бумажке не можешь!

Рахиль: Почему не могу?

Мейлах: А почему без штампа в паспорте не хотела? Без него ты мне не верила? Захотела — получила! Теперь стирать нужно? Пожалуйста! Готовлю в последнее время вообще только я. Это же для семьи. Ах, для семьи? Пожалуйста! Разве я о вас не думаю?

Рахиль: Ах, думаешь! А зачем от нас деньги прячешь, которые в не нашей валюте?

Мейлах: Далась тебе эти деньги! Они вообще не мои.

Рахиль: А чьи же?

Мейлах: Их нужно передать раввину для помощи общине.

Рахиль: Отдай их в семью, то есть мне. Я сама буду помогать общине, и молиться за раввина! Делов-то!

Мейлах: Нет. Это не по закону.

Рахиль: По закону захотел? Ну, держись. Будет тебе по закону.

Рахиль уходит.

Явление десятое

Видение Мейлаха.

Вернусь к одряхлевшим путникам трех дорог.
Зажгу на своих холмах трижды три огней.
Оставлю друзьям рывок на последний срок
в ущелье макетов лиц и бумажных дней.

На старой обложке — стертые в пыль глаза.
За дымом зрачков не видно могильных плит.
Оставлю друзьям слова на последний залп
по тесным рядам сторонников тех, кто спит.

В истопленных детским криком домах тепло.
На стенах цветут вертепом морщины-рвы.
На давешних междустрочьях висит замок.
В прихожих пылится смятый макет любви.

Снова появляется Зеленая Коза. Мейлах зовет ее.

Она пятится от него в кулису. Он идет за ней.

Коза скрывается, Мейлах подходит к кулисе и на него выдвигается Рахиль в образе Вавилонской башни.

Мейлах: Кто ты?

Башня: Вавилонская башня.

Мейлах: Ты — башня? Почему такая ... странная?

Башня: Так меня не достроили. У нас вить как? Как горлопанить в свое удовольствие про даешь стройку до небес, так все «за», а как работать не покладая рук, так мы резко прикидываемся иностранцами и перестаем понимать, что нам говорят. И вот результат.

Мейлах: А для чего ты вообще такая была нужна?

Башня: Чтобы все смотрели и завидовали, какая я самая-самая-самая...

Мейлах: Зачем?

Башня: Так принято. Да так все делают!

Мейлах: Но ты — не все.

Башня: Да. Поэтому все и должны знать, что я самая-самая-самая...

Мейлах: Все? И кому от этого стало теплее? Нужно ли тебя вообще было строить?

Башня: Мне нужно. Поверь.

Мейлах: Почему я должен тебе верить?

Башня: А почему Иосиф из Назарета поверил своей жене Марии про непорочное зачатие? А ты своей жене не поверил про простое?

Мейлах: Потому что у них была любовь.

Башня: А у нас?

Мейлах: Что у нас?

Башня: Да, что у нас?

Мейлах: Разве это любовь?

Баиня: Так любовь тоже строить надо. А у нас вить как про свое удовольствие, так все «за», а как про поработать, так смешение языков, не сошлись характерами, и наша встреча была ошибкой.

Мейлах: Не я виноват, что...

Баиня: Конечно, виноват не тот, кто не построил. Виноват тот, кто придумал стройку (*уходит*).

Затемнение.

Явление одиннадцатое

Из радио после сигналов точного времени слышится голос:

«Передаем сигналы точного времени. Начало шестого сигнала соответствует 15 часам московского времени. Пи-пи-пи-пи-пи-пи. Говорит Москва. В столице 15 часов. В Ашхабаде — 17, в Караганде — 18, в Красноярске — 19, в Иркутске — 20, в Чите — 21, в Хабаровске и Владивостоке — 22 часа, в Южно-Сахалинске 23 часа, в Петропавловске-Камчатском полночь».

Появляется Доктор Мозель, сверяющий часы с радио.

Из дома выходит Рахиль.

Рахиль: Здравствуйте вам. Я вас ждала.

Мозель: Скажите на милость, что случилось? Ваш Миша передал через мою Тamarу эту записку.

Рахиль: Да ничего не случилось.

Мозель: Зачем же вы меня позвали?

Рахиль: По делу.

Мозель: Дело — это уже приятно. В чем же дело?

Рахиль: Помогите мне забеременеть.

Мозель: Что?

Рахиль: Мне нужен ребенок.

Мозель: По этим вопросам ваш Миша консультирует куда удачнее.

Рахиль: Мне нужно забеременеть от Мейлаха.

Мозель: При чем же здесь я? Я даже не гинеколог?

Рахиль: Ну и что? Я тоже не дева Мария. Дайте мне справку.

Мозель: Какую?

Рахиль: С печатью.

Мозель: С красной или синей?

Рахиль: Давайте с обеими. Вот деньги. Или вы меня уже ни помните? Я к вам два года назад уже приходила в таком красивом платье из трофейного шелка. Оно у меня и сейчас есть, как новое! Надеть?

Мозель: Не отвлекайтесь! Отвечайте на вопросы. Сколько вам лет?

Рахиль: А сколько вы мне дадите? Если бы ни эта история с беременностью, я бы сошла за школьницу.

Мозель: Рахиль Менделеевна! Здесь ничего никому ни дают. (*Оглядевшись*) И ничего ни берут. Отвечайте на вопросы. Вы ни на базаре, а в лечебном учреждении! В смысле, у врача.

Рахиль: Вы уже разучились смотреть на красивых женщин со стороны лица.

Мозель: Больная! Прекратите разговоры на посторонние темы. Не будем терять времени.

Рахиль: Вот что значит профессионал! Только вызвала врача — и уже больная! В смысле беременная.

Мозель: Вам все еще нужна справка?

Рахиль: Только смотрите, пишите хорошо. Мне справку Мейлаху нести, а уж он в любом деле понимает. Когда у Доры сломался патефон и швейная машинка, так он не только нашел причину, но и все наладил! А когда ее сучка Берта родила шестерых щенков, то...

Мозель: Вот, ваша справка. Но учтите, это только справка. Понимаете?

Раздаются голоса Мейлаха и Зураба.

Мозель уходит огородами.

Явление двенадцатое

Рахиль, Мейлах, Зураб.

Мейлах: Какие деньги, товарищ милиционер!?

Зураб: Не наши.

Мейлах: Как это, «не наши»?

Зураб: Не советские.

Мейлах: Откуда же они у меня?

Зураб: Вот это вы, товарищ Мейлах, нам и расскажете. Лучше добровольно. Это в ваших интересах. Ну?

Рахиль: Говорила я тебе, нужно писать про партию, а ты все про любовь, про любовь.

Мейлах: Товарищ милиционер, знаете, почему нужно жениться на еврейке?

Зураб: Почему?

Мейлах: С ней весело. Даже умереть спокойно не даст.

Зураб: Это к делу не относится, в протокол вносить не буду. Пригласите двух понятых.

Рахиль: Кого?

Зураб: Двух соседней зови, обыск будет.

Мейлах: Как обыск?

Зураб: По закону обыск.

Рахиль: Миша, Дора, сюда скорее! Мейлаха с милицией обыскивают.

Вбегают Миша и Дора.

Дора: Как обыскивают? Почему?

Зураб: От одной бдительной... гражданина поступил сигнал о том, что товарищ Мейлах незаконно хранит иностранную валюту.

Рахиль: Вот ведь падкие люди до чужого счастья!

Миша: Товарищ милиционер, у него из иностранных вещей только фонарик трофейный, никакого валюта у него нет.

Рахиль: Не мешай отца обыскивать.

Зураб: Валюта — это деньги. Не наши.

Дора: А чьи?

Зураб: Перестаньте мешать работать органам. Товарищ Мейлах, я предлагаю вам добровольно выдать имеющиеся у вас деньги в иностранной валюте.

Мейлах: У меня ничего нет.

Зураб: Тогда будем искать.

Мейлах: Дело ваше.

Зураб: Это дело не мое и даже не ваше. Это народное дело, гражданин Мейлах.

Рахиль: Нудельсона знаете? Ну, того тряпичника, что собирает старые тряпки. Так вот, на самом деле он собирает золотые царские монеты, а тряпки — это для дураков, как мы. Узнает он, что где-то умер старик и от него остались грязные фуфайки, так он уже там. Забирает их себе, и там иногда находит монеты, спрятанные во время войны от немцев. Пусть люди смеются за тряпки, зато иго дети будут жить в Америке, как белые люди в черном квартале.

Зураб (запустил руку под фундамент дома и что-то нащупал): Попрошу не отвлекаться. Понятые, подойдите ближе, чтобы зафиксировать факт обнаружения валюты. (*Вытаскивает руку со свертком*). Как вы можете объяснить это?

Дора: Что это?

Зураб: Внимание, достаю!

Зураб достает из свертка бумажную труху.

Миша: И что, этот мусор заграничный?

Дора: Какие же это теперь деньги?

Зураб: Вас санэпидемстанция проверяла?

Рахиль: Какая еще станция?

Зураб: Крыс почему не травите?! Кому эта труха теперь нужна?

Мейлах: Как труха?

Рахиль: Будешь знать, как деньги от жены прятать! Без меня даже этого не можешь! Чего молчишь как мумия на мавзолее?

Мейлах: Плохо...

Зураб: Что плохо?

Дора: Ему плохо.

Рахиль: А кому сейчас хорошо? Сейчас всем плохо! Видите ли, ему плохо. Обращайте на него внимание. Если бы ему было хуже всех, то обратили бы. Смешно сказать! Как будто нам хорошо!

Зураб: А как у него с давлением?

Рахиль: Хорошо у него с давлением. Как с друзьями сойдется, так до поросычьего визга надавиться может! Мейлах! Кончай умирать! Бери свои керенки и иди считать убытки, дебет с кредитами всякие! Нечего умирающего лебедя изображать!

Дора: Он не дышит.

Рахиль: Где не дышит?

Миша: В октябре! Мама, Мейлах умирает!

Рахиль: Зачем умирает? Мейлах!

Зураб: Вызывайте «Скорую»! Расстегните ему воротник!

Рахиль: Мейлах-Мейлах... Я думала, ты притворяешься перед милицией, а ты взаправду собрался отдать Богу душу! Как же я буду без тебя?

Миша: Алло, «Скорая»? Алло!

Рахиль: Или ты хочешь помереть добровольной смертью, лишь бы насолить мне? Дора, скажи, что так делать ни хорошо! Он тебя послушает!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Больница.

Явление первое

Видение Мейлаха. Он маленький в окружении темноты. Одиночные выстрелы, лай собак, немецкая речь, в которой отчетливо слышно «Юде».
Появляется Софья Борисовна — тетьа Дуся.

Тетьа Дуся: Что ты здесь делаешь?

Мейлах: Боюсь.

Тетьа Дуся: А где твоя мама?

Мейлах: Там. Мы шли все вместе, потом она велела молчать, столкнула с дороги в яму и ушла со всеми.

Звуки выстрелов.

Тетьа Дуся: Как тебя зовут?

Мейлах: Мейлах. Мейлах Кац.

Тетьа Дуся: Сколько тебе лет?

Мейлах: Двенадцать.

Тетьа Дуся: Худой какой... Иди ко мне. Не бойся. Нам нужно выйти отсюда.

Мейлах: Там солдаты. Мне страшно.

Тетьа Дуся: Они нам ничего не сделают. Слышишь? Замотай лицо шарфом. У тебя тиф, понял? Говорить буду я по-белорусски. Ты только кивай и молчи. Хорошо?

Мейлах: Хорошо. А если я захочу что-то сказать?

Тетьа Дуся: Говори про себя.

Мейлах: Как это?

Тетьа Дуся: Мысленно. А лучше знаешь что, сочиняй стихи. Ты любишь стихи?

Мейлах: Люблю. Сочинять тоже мысленно?

Тетьа Дуся: Да. А потом расскажешь их мне.

Мейлах: А мама к нам придет?

Тетьа Дуся: Придет. Обязательно придет.

Мейлах: Скоро?

Тетьа Дуся: Не очень.

Мейлах: В следующем месяце?

Тетьа Дуся: В следующем, в октябре. Ты, главное, молчи и ничего не бойся. Все будет хорошо. Верить мне?

Мейлах: Верю. Как вас зовут?

Тетьа Дуся: Евдокия. Тетьа Дуся. Ну, давай руку. Пошли.

Затемнение.

Явление второе

Яркий свет. Мейлах в больничной палате.

С ним медсестра Софья Борисовна, которая следит за капельницей.

Софья Борисовна: Как вас зовут?

Мейлах: Мейлах. Мейлах Кац...

Софья Борисовна: Сколько лет?

Мейлах: Двенадцать ...
Софья Борисовна: Наверное, двенадцать с хвостиком?
Мейлах: С ним... С хвостом.
Софья Борисовна: Очень хорошо. Пришли в себя.
Мейлах: Страшно...
Софья Борисовна: Ничего страшного. Немножко перенервничали. Сейчас прокапаемся, и все будет хорошо. Верите мне?
Мейлах: Верю. Как вас зовут?
Софья Борисовна: Софья Борисовна. Софа. Софочка.
Мейлах: Как Софочка? А где тетя Дуся?
Софочка: Не знаю. Слышите, голоса? Может быть, это она с доктором идет?

Явление третье

Мейлах, Софочка, Рахиль и доктор Мозель.

Рахиль (в дверях, продолжая разговор): Тогда зачем они закрыли лицо занавесками? Чтобы я их не узнала? Не надейтесь, узнаю!

Мозель: Они не надеются. А вот и ваш муж.

Рахиль: Мейлах, дорогой! Как ты? Пришел в себя? Тогда пошли домой.

Мозель: Вы что, с ума сошли?

Софочка: Не дергайте его, он же под капельницей!

Рахиль: И зачем вы в него капаете?

Мозель: Чтобы улучшить работу мозга.

Рахиль: А нельзя капать поближе к голове, чтобы лекарство быстрее дошло куда нужно, а то еще ни найдет дорогу? Вы сами не можете сообразить такое? Обязательно я вас должна учить, чтобы вы не испортили Мейлаха. Безобразие!

Софочка: Ни беспокойтесь, так положено. Нужно, чтобы в его организме все пришло в порядок.

Рахиль: У него и так было все в порядке. Надеюсь, печень из него ни вырежете? Знаю я вас, мастера! Потом и концов ни найдешь. Если что такое, я знаю, куда идти.

Софочка: И я, пожалуй, пойду. Если что, позовете (*уходит*).

Рахиль: Что здесь делала эта заморхлина? Дайте мне стул. А в цветочек у вас ничего нет? Безобразие! Вы что, не могли достать мебель попроще? Уродство форменное. Никакого вкуса!

Мозель: Рахиль Менделеевна! Прекратите разговоры, вы мешаете работать. Если будете так себя вести, то отправим домой.

Рахиль: Интересно, а что такое я сказала? И вообще, что вы меня домом пугаете? Мой дом ни гетто, там хорошо, лучше, чем здесь!

Явление четвертое

Те же, затем Миша и Дора.

Софочка (за сценой): Куда? Без халата нельзя!

Миша (врываясь): Мейлах, тебя ищет милиция! Они идут сюда!

Софочка (за ним): Доктор, он сам ворвался, я говорила...

Мозель: Можете идти. Ничего страшного.

Софочка уходит.

Рахиль: Как ничего страшного? Это тюрьма.

Мозель: Ему грозит тюрьма?

Рахиль: У него нашли валюту.

Мейлах: Да что там нашли!

Мозель: Теперь уже что нашли, то нашли. Иначе бы они не пришли.

Рахиль: Шаги! Слышите? Доктор, сделайте же что-нибудь!

Мозель: Что?

Шаги приближаются.

В палату врывается Дора.

Дора (врываясь): Мейлах, вас ищет милиция! Они идут сюда!

Софочка (за ней): Доктор, я не стала ее останавливать, вы же сами сказали...

Мозель: Все в порядке.

Рахиль: В каком порядке!?

Миша: Сделайте же что-нибудь!

Мозель: Что!

Дора: Помните прораба Писина? Он тогда продал в Одессу два вагона цемента на строительство дачи?

Рахиль: Вспомнили! Нехорошие дяди в сапогах с пистолями на боку забрали Писина и хотели крепко посадить. Так от него бесстыжим образом все отвернулись, а один доктор ни отвернулся. Он же акушер-невропатолог высшей пробы.

Мозель: Это не моя специализация.

Рахиль: Ну и что? Бедного Писина устроили в отдельную палату и стали обследовать.

Дора: Ну что он такого сделал? Подумаешь, цемент продал! Хватает в стране цемента!

Рахиль: Пришел следователь, а врач игу не пускает. Говорит, что к такому больному следователь противопоказан. А Писин слышит этот разговор и с той стороны двери выть начинает.

Мейлах: Как?

Рахиль: Как волк на волчицу, когда она в плохом настроении, и от него хвостом отмахивается. А потом задрал ногу до пояса и стал пирскать на тумбочку.

Мейлах: Я не буду этого делать.

Дора: Давай попробуем. Это не сложно. *(Воет)* Уууу... А теперь давай повоем вместе?

Мейлах: Как?

Рахиль: Нечеловеческим голосом! Чего выкаблучиваешься, ёлупень? Мы из кожи стараемся, чтобы тебя в тюрьму ни посадили.

Дора: Между прочим, Писину присвоили звание «инвалид высшей категории»!

Миша: Живет припеваючи — на работу не надо, на субботники — и подавно!

Рахиль: Цемент списали на свинарник, за который начальнику дали орден. Дома развалились, потому как песок без цемента ни хотел кирпичи схватывать. Их растащили простые люди для дома, для семьи! Что значит хороший врач!

Мозель: Кажется, я припоминаю случай с Писиним. Но там было одно важное обстоятельство.

Рахиль (протягивает сверток): Здесь все, что нужно. Или вы меня уже ни помните?

Мозель: Нужно будет сдать анализы.

Рахиль: Какие?

Дора: Кал, моча. Как всегда.

Рахиль: Хорошо, я сдам.

Мозель: Не вы, а больной. Поставите в коридорчике на столик возле дежурной сестры.

Рахиль: У этой заморхлины?

Мозель: Попрошу не мешать лишними разговорами. (*Мозель берет молоточек и начинает маячить им перед глазами Мейлаха*) Смотрим туда, смотрим сюда... (*Стучит по рукам, по коленям, Мейлах брыкается, ударяя доктора*).

Дора: Видите, доктор, какой он буйный.

Мозель: Он не буйный, он естественный.

Дора: В смысле?

Миша: В смысле надо все наоборот.

Мозель еще раз от души ударяет по коленке Мейлаха. Мейлах не дергается, но начинает скулить от боли.

Явление пятое

Те же, Софочка и Зураб.

Софочка (вбегая): Доктор, вы сказали, но я решила предупредить...

Зураб (входя): Добрый день. Подозреваемый Кац...

Мозель бьет Мейлаха по колену, тот снова подвывает.

Дора: Какой он подозреваемый! До чего довели человека! Воеет как волк.

Рахиль: А перед вашим приходом он задрал ногу и пирскал на тумбочку. (*На Софочку*) Вон она выгирала. Кстати, вот здесь еще осталось.

Мозель: Софья Борисовна, закончите дезинфекцию.

Софочка: Хорошо, доктор (*выходит*).

Мозель: Посмотрите на эту жертву правосудия. Он же никуда ни вменяемый.

Зураб: Вы уверены?

Мозель: Смотрите сами. (*Мейлаху*) Присесть — привстать, вдох — выдох. Присесть — привстать, вдох — выдох. Выдох, выдох! Закрывать глаза, руки в сторону. Попеременно достать левой и правой рукой кончик носа! Не надо его нос! Трогай свой!

Миша: Мама, а папа всегда теперь будет сумасшедший?

Рахиль: Не знаю, от дяди милиционера зависит.

Зураб: Что? Что от меня зависит?

Входит Софочка со шваброй и начинает мыть пол вокруг Мейлаха.

Мозель: Отпустите иго домой, к жене, к детям, а то он нам всю палату затопит. Что вы с него возьмете — только баночки и коробочки с анализами. Денег у него все равно больше нет.

Зураб: Как он мог сойти с ума?

Дора: Он же поэт.

Миша: Он мне, кстати, предлагал лететь с ним в небо.

Зураб: Зачем?

Миша: Чтобы увидеть, что помойка за нашим домом маленькая, а люди вокруг нее большие.

Зураб: Бред.

Рахиль: А еще он пытался покончить с собой. Помните, у меня тогда еще пирожки подгорели? Я, кстати, с утра опять тесто поставила, так что к вечеру поспеют.

Зураб: Пирожки... Да-да-да...

Мозель: С вашего разрешения я продолжу обследование. Больной, раздевайтесь. Полностью. Попрошу посторонних удалиться.

Все встают.

Мозель: Близкие родственники могут остаться .

Все садятся.

Зураб мнется и выходит.

Мозель (нарочито громко): И это тоже снимайте. Как все запущено!

Софочка (входя): Он ушел.

Рахиль: Отлично. Спасибо, доктор. А теперь пора домой!

Софочка: Как домой? Сразу нельзя, теперь нужно лечить и обследовать.

Рахиль: Может, наоборот?

Мозель: И так тоже можно. Главное, что есть стимул.

Софочка: И не забудьте анализы!

Рахиль: Для вас, милочка, ничего не жалко!

Мейлах: Что теперь будет?

Мозель: Ничего не будет. Все утрясется. Софья Борисовна, сделайте пациенту успокоительное. Пусть поспит, успокоится.

Софочка: Я уже приготовила, доктор. (*Мейлаху*) Поворачиваемся на бок, спускаем трусы.

Софочка делает Мейлаху укол.

Сцена постепенно затемняется, вместе со светом гаснут голоса.

Рахиль: А нельзя колоть поближе к голове? У него не диарея, у него с головой плохо! Жди теперь, пока туда лекарство дойдет! Всему вас учить. Безобразие!

Софочка: Ни беспокойтесь, так положено.

Рахиль: Главное печень, печень не вырезайте. Знаю я вас, мастера! Если что такое, я знаю куда идти...

Полное затемнение.

Явление шестое

Видение Мейлаха.

Мама, когда ты расскажешь мне
дивную сказку,
в которой я — главный герой?
Когда ты придумашь
добрую песню
о самой счастливой стране,
где над запахом моря не запах моченых
замызганных яблок

трясет паутиной и плесенью тянет
забывших сменить на перчатки из кожи
когтистые гроздя осенних прощаний?

Кричи, не кричи — не звучишь.
То ты принц, то ты нищий двойник двойника,
на ура повторяющий чье-то безумие
в наспех надетых фиглярских глазах.
Опоздавший на праздник —
с бутылкой шампанского, шпагой и лысиной —
и в окружении солнечных зайчиков.
Но опоздавший.
Зашедший не вовремя.

Мама, когда ты во благо
наврешь мне с три короба?
Будто три короба — это три повода жить,
засыпать, просыпаться,
читать между строк, и смотреть между глаз,
и любить напоказ,
чтобы всякая бабка скамеечной ложи
плевала вослед нам и крыла нас матом.
Когда ты во благо
наврешь мне с три короба, мама?

Мейлах: Эй! Кто-нибудь... Ну, давайте, являйтесь уже. Вы же всегда где-то рядом. Не может быть, чтобы никого не было. Так ведь не бывает, да? Не бывает? Эй! Ответьте! Я что, совсем один?

*Эхо подхватывает последнее слово.
Полная темнота.*

Явление седьмое

*Яркий свет.
Мейлах приходит в себя. Рядом Софочка.*

Софочка: Проснулись? Отлично! Когда они вчера про валюту заговорили, я сразу поняла: вы человек культурный, интеллигентный. Вам, наверное, трудно, да? Не переживайте. Все наладится.

Мейлах: Разве у сумасшедших что-то может наладиться?

Софочка: В нашем мире только у сумасшедших и может.

Мейлах: С вами легко. Не как с другими.

Софочка: Я вообще не понимаю, что в женщинах хорошего? Только и знают, что болтать. То им надеть нечего, то дети беспокоят. Да и про мужей ничего хорошего не услышишь — то лодырь, то пьяница. Будто сами святые. Не понимаю, что в них мужчины находят?

Мейлах: Это хорошо, если не понимаете. А у вас есть муж?

Софочка: Где-то есть.

Мейлах: Это как?

Софочка: Долгая история.

Мейлах: Я не тороплюсь.

Софочка: Смотрите, сами напросились. Я медицинский работник. Поэтому я знаю, какие последствия может повлечь один единственный микроб, попавший в организм. Понимаете?

Мейлах: Не очень.

Софочка: Я слишком много об этом знаю, поэтому все время боюсь чем-нибудь заразиться. Мне на каждом шагу мерещатся микробы, вирусы, инфекции и связанные с ними последствия. Понимаете?

Мейлах: Кажется, понимаю. А при чем муж?

Софочка: Как при чем?! Я просила его всегда быть чистым.

Мейлах: Чистым?

Софочка: Регулярно мыть лицо, руки, чистить уши, вычесывать перхоть, стричь ногти, не говоря об обработке прочих элементов мужского организма.

Мейлах: И как часто необходима такая обработка?

Софочка: После каждого контакта с микробами. Они ведь везде! Взяли вещь в руки — там микробы. Стул передвинули — опять микробы. На улицу вышли — там кругом микробы. Понимаете?

Мейлах: И что же муж?

Софочка: Поначалу он выполнял все требования дезинфекции. А потом... Потом он мне изменил.

Мейлах: Он изменил вам? Не может быть!

Софочка: Если бы просто изменил. Он принес инфекцию, от которой пришлось избавляться. Кого можно за это винить? Только себя, за безответственность. После этого я запретила ему приходить домой без справки из городского санпропускника. Он ушел за справкой.

Мейлах: Давно?

Софочка: Два года. Может, я в чем-то была не права, но теперь это дело прошлое. Теперь я считаю себя свободной. Как облачко.

Мейлах: Облачко?

Софочка: Ну да, я люблю все беленькое, чистенькое.

Мейлах: Вы любите облака?

Софочка: Конечно! Там же нет инфекции! Вот и капельница закончилась. У вас теперь тоже нет инфекции. Только еще кожные покровы обрабатываем.

Явление восьмое

Те же. Всовывается голова Миши.

Миша: Здравьете. Мейлах, к тебе можно?

Софочка: Вообще-то сейчас не время посещений. Но если вы обещаете его не волновать...

Миша: Обещаю!

Софочка: Только недолго (*выходит*).

Миша: Как ты тут, живешь?

Мейлах: Живу. А ты там, живешь?

Миша: И я живу. Я хотел... Я вот что хотел...

Мейлах: Что случилось?

Миша: Да не волнуйся ты, ничего не случилось. Хотя... В общем, те деньги, которые крысы погрызли, они не твои.

Мейлах: Как не мои?

Миша: Так. Их там кто-то до тебя спрятал, еще при царе. Они русские, но старые, сейчас такие не ходят.

Мейлах: Ты уверен?

Миша: Я после обыска кусочек нашел. Там слова все русские, только с твердыми знаками, и картинка с двуглавым орлом, совсем не такая.

Мейлах: А где же мои?

Миша: У мамы.

Мейлах: Зачем тогда весь этот спектакль?

Миша: Чтобы деньги в надежных руках были, и ты от нее не ушел. Я слышал, как они с милиционером за пирожками договаривались. Ты не думай, они только пирожки ели.

Мейлах: Уверен?

Миша: В пирожках?

Софочка (входя): А вот и таблеточки. Круглую под язык сейчас, а большую выпьете после еды. Открываем ротик, аккуратно... Вот, молодец!

Явление девятое

Входит Рахиль.

Рахиль (видя Софочку возле Мейлаха): Дорогой, как твоя диарея? Не очень беспокоит?

Мейлах (недоуменно): Какая диарея? Нет у меня никакой диареи, что ты придумала?

Рахиль: Как нет? Сейчас будет!

Софочка: Пожалуй, я пойду. Не забудьте, после еды (*уходит*).

Миша: И я пойду. Ты это... выздоравливай (*уходит*).

Рахиль: Ну и что у вас после еды?

Мейлах: Таблетки.

Рахиль: Так я и поверила. Мейлах, ты такой молодец, везде пристроишься! Не успел сойти с ума, уже саблизнул эту заморхлину! Пора выписываться, а то еще немножко, и я тебя никогда ни поймаю для себя!

Мейлах: Зачем тебе это?

Рахиль: Как зачем? Мы с Мишей нестиранные, полы немытые, спать одной холодно, даже поругаться не с кем. Так что кончай болеть, пора домой.

Мейлах: Зачем ты меня обманываешь?

Рахиль: Интересно! Кто это кого обманывает? Мейлах! Знаешь, сколько ярости накопилось в моем добром организме? Почему ты спрятал деньги в таком плохом месте, что я не могла их найти? А если бы ты умер и я не знала бы, куда ты их положил? В приличных семьях деньги должны находиться у жены. Твое дело их добывать, мое — тратить.

Мейлах: Поэтому деньги из тайника ты забрала себе?

Рахиль: Этими деньгами я тебя откупила от милиции.

Мейлах: Так ты же меня этой милиции и продала.

Рахиль: Думаешь, я не знаю, где ты их взял? Их прислала твоя сестра Сара. Так попроси еще, и я с тобой поделюсь на карманные расходы.

Мейлах: Рахиль, имей совесть. У нее же нет мужа, а жить везде сложно, тем более одинокой женщине.

Рахиль: Раз Сара прислала столько, так у нее хватает. Она красивая женщина, у нее кавалеров больше, чем у дориной Берты блох. Зачем ей муж, муж ей таких денег

ни принесет, он их отнесет лучше на сторону. Мужики женятся, чтобы за удовольствие ни платить. Это же каждый дурак знает, кроме тебя!

Мейлах: Сама видишь, дармовые деньги счастья не принесли. Их нужно отдать на благо общины.

Рахиль: Деньги нужны нам, чтобы сделать из тебя инвалида высшей категории. Тебе же хорошо. На работу ни надо. Будишь нам с Мишей готовить вкусную еду, стирать научишься как следует, в свободное время продолжишь писать стихи Доре, а там, может, и про партию сочинять научишься, станешь великим поэтом!

Мейлах: Что ты несешь?

Рахиль: Не кричи на меня!

Мейлах: Почему?

Рахиль: Я беременна! Между прочим, от тебя.

Мейлах: Врешь!

Рахиль: Вот справка. Даже с печатью. (*В коридор*) Эй, заморхлина! Тут пациенту плохо! Готовься к выписке, папаша!

Рахиль уходит.

Явление десятое

Мейлах и Софочка.

Софочка: Что с вами? Глаза открыли. Что болит? Ничего? Давайте-ка пульс проверим. Сердечко стучит? Еще как стучит. У вас тахикардии нет? Нужно будет проверить. Общее состояние удовлетворительное. Так что с вами?

Мейлах: Уже ничего. Все у меня хорошо, осталась только тахикардия.

Софочка: А конкретнее?

Мейлах: Все.

Софочка: Все — ничего. Отличный девиз. Вы философ.

Мейлах: Я был поэтом.

Софочка: Шутите?

Мейлах: Нет.

Софочка: Почему тогда были?

Мейлах: Потому что стихи никому не нужны.

Софочка: Кто вам такую глупость сказал?

Мейлах: Все.

Софочка: Просто вы не тем читали свои стихи. Если на вашем жизненном пути встречались необразованные дуры, это не значит, что других женщин нет. Просто их очень мало. Стихи — это прекрасно. Помните, как у Жуковского:

Но что мне твоя ласка!
На что мне твой привет!
Любви, любви хочу я...
Любви-то мне и нет!
Как написано! Вам нравится?

Мейлах:

Утонула в своих нерожденных цветах,
расплескала себя по скелетам дорог.
Кто был дорог тебе —
тот с тобой на ножах
до сих пор

и сквозь поры твои
допивает тебя.

Как пинали росу —
подставляли посудыны.
Дыры смывали сапожную память.
И —
поздние завтраки,
ранние ужины.

К ужину — свежие богоподобные.
Сонные происки.
Спорные прииски.
Дикие танцы на скользких обедках —
и редкие взгляды
стыда и бессилия.

С мылом на шее
и рваными крыльями
стоит ли маяться, переиначивать
рыло в лицо,
если рыло на троне
изящней лица?
...расскажи от конца
до начала
свой крик —
соберу все — до капли — в ладони.

Софочка: Это Маяковский?

Мейлах: Это я.

Софочка: Вы? (*начинает плакать*).

Мейлах: Что с вами? Софья Борисовна... Софочка... Ну... Ну, не нужно... Я больше не буду читать...

Софочка: Как не будете? Вы же поэт. Настоящий! Я думала, таких мужчин уже не бывает. Кругом ведь неотесанные чурбаны, которых стихами не отшлифуешь!

Мейлах: Может, не стоит так обобщать...

Софочка: Вам, мужчинам, легко говорить. У вас все просто. Вам не понять, что творится в душе одинокой женщины. Я ведь совсем одна. Иногда я даже разговариваю сама с собой.

Мейлах: Вслух?

Софочка: Не знаю. Нужно будет спросить.

Мейлах: У кого? Вы же говорите сама с собой.

Софочка: Я что, похожа на сумасшедшую? Я беседую со своими придуманными друзьями. Понимаете, иногда мне кажется, будто я не одна, будто рядом со мной кто-то есть. И тогда мы беседуем. Понимаете?

Мейлах: Да.

Софочка: Вот и вы приняли меня за сумасшедшую.

Мейлах: Ни в коем случае! Дело в том, что и я иногда в свое воображении тоже встречаюсь с разными...

Софочка: Правда?! Как мы с вами похожи! Наконец-то я встретила настоящего мужчину!

Мейлах и Софочка тянутся друг к другу в неизбежном поцелуе. В последний момент Софочка выхватывает из кармана баллончик, брызгает им Мейлаху в рот, после чего их губы встречаются.

Мейлах: Что это было?

Софочка: Будто сами не знаете. Ай-ай-ай! Ни за что не поверю!

Мейлах: Нет! Перед этим.

Софочка: Дезинфекция. Знаете, сколько бактерий живет во рту человека, включая потенциально опасных?

Мейлах: Много?

Софочка: Бесконечно много.

Мейлах: Как, наверное, это опасно, целоваться.

Софочка: Да.

Мейлах: Расскажите.

Софочка: Во-первых, микробы...

Воспользовавшись тем, что Софочка отвлеклась, Мейлах вновь целует ее, теперь уже без санобработки.

Софочка: Мейлах, я хочу сделать вам предложение. Я за это время привыкла к вам и вас полюбила. Вы, я вижу, тоже ко мне равнодушны. Давайте уедем вместе за границу и будем там жить по-человечески. У меня за границей богатый дядя, да и другие родственники не бедные.

Мейлах: Дорогая Софочка, куда же я дену из паспорта свою жену, будь она неладна! От этого репья так просто не избавишься. Ее только тронь, она и не то, что международный скандал закатит, она войну той стране объявит. Вы же не знаете ее сумасшедшей энергии.

Софочка: Не нужен нам ее развод. Ты не знаешь главного! Когда я оформляла твою историю болезни, то увидела, что твои паспортные данные полностью совпадают с данными моего бывшего мужа, который вписан в мой паспорт. Кто нам помешает?

Мейлах: Штамп в моем паспорте. Там вписана Рахиль Менделеевна, а не Софья Борисовна.

Софочка: Вы заявите, что потеряли паспорт, а когда будете его получать, мы договоримся, чтобы вместо твоей жены вписали меня. И вся песня! Вы согласны?

Мейлах: Согласен. Но кто все это сделает?

Софочка: Мир не без добрых людей. Особенно, когда эта доброта поощряется.

Мейлах: Я не могу. Рахиль от меня беременна.

Софочка: Это точно?

Мейлах: Даже справку принесла. Вот.

Софочка: Позвольте узнать, с каких это пор женам выдают справки о беременности для предъявления мужьям?

Мейлах: Без справки я ей не поверил.

Софочка: Тогда все в порядке. Мы женимся.

Мейлах: Я же говорю...

Софочка: Посмотри на эту подпись. Узнаешь эту закорючку?

Мейлах: А должен?

Софочка: Нет. Этой закорючкой доктор Мозель подписывает липовые больничные, чтобы в случае чего экспертиза не указала на него. Доктор Мозель человек предприимчивый, но совсем не гинеколог. Понимаешь?

Мейлах: Ну, Рахиль! Значит...

Софочка: Да! Ты согласен?
Мейлах: А паспорта?
Софочка: Эту маленькую проблему я беру на себя. Согласен?
Мейлах: Я согласен.
Софочка: Тогда, может быть, уже пригласишь невесту на танец?
Мейлах: С удовольствием!
Мейлах и Софочка танцуют танго.
Затемнение.

Явление одиннадцатое

Утро. Мозель будит Мейлаха.
Позже входит Софочка.

Мозель: Доброе утро! Пора, пора! Просыпаемся.
Мейлах: Доброе.

Мозель: У меня к вам только один вопрос: это ваши анализы?

Мейлах: Я не очень помню их в лицо, но, думаю, мои. А что вас смущает?

Мозель: Кое-что. К примеру, здесь пишется, в вашем кале яйцеглист не обнаружен, но утверждается, что имеют место обильные волосяные включения и значительные костно-хрящевые фракции с наличием машинного масла. Вы, что, питались в студенческой столовой или на полевом стане?

Мейлах: Где?

Мозель: Далее, исследования мочи показали наличие признаков поздней беременности и диабета. Странное заключение. Особенно для мужчины. Можно взглянуть на ваш живот?

Мозель мнет живот Мейлаха.
Входит Софочка.

Мозель: А, Софья Борисовна! Вы только посмотрите, по анализам ему вот-вот рожать, а пальпацией беременность не определяется. Придется созывать консилиум.

Мейлах: Я схожу с ума?

Софочка: Сошел бы. Если бы наша старшая сестра не видела, как Рахиль вылила твою мочу и на улице подставляла банку соседской козе. Хоть бы подальше от больницы отошла!

Мейлах: А кал?

Софочка: Ливерная колбаса. Третий сорт. У тебя была очень изобретательная супруга.

Мейлах: Почему была?

Мозель: Дорогие Софья Борисовна и Мейлах Абрамович, объявляю вас мужем и женой. Желаю... А, впрочем, сами разберетесь. Владейте.

Мозель протягивает Мейлаху паспорт.

Мейлах (читает): Заключен брак с... А где Рахиль?.. Я не знал, что такое возможно. И так скоро. Но как?

Мозель: Я же одессит, из Бобруйска! Да и мир не без добрых людей. Всем хочется вкусно кушать и красиво жить. Кстати, про красиво жить. Через два часа вас ждут в посольстве.

Мейлах: Зачем нам в посольство?
Софочка: За визой. Мой прежний муж об этом и слышать не желал.
Мозель: Собирайтесь, заодно заедете за билетами. Вас уже ждут (*выходит*).
Мейлах: Я думал, такое бывает только в сказках.
Софочка: Мы рождены, чтоб сказку сделать былью. Одевайся.
Мейлах: Уже? А как же наш медовый месяц?
Софочка: Куда лезешь! Без санобработки! Ты дату регистрации брака в паспорте посмотрел? Наш медовый месяц прошел пять лет назад. Что у тебя с головой? Это перхоть?
Мейлах: Какая перхоть...
Софочка: Фу! Ты весь пропах потом! Не трогай меня. Немедленно мыться!
Мейлах: Хорошо.
Софочка: Не хорошо, а быстро. И не забудь, когда спросят: для выезда на постоянное жительство за рубеж нужно согласие обоих супругов. Так что ты согласен.
Мейлах: А если я не согласен?
Софочка: Хочешь вернуться к своей Рахили?
Мейлах: Не знаю.
Софочка: Тебе не нужно знать. Просто делай то, что я говорю.
Мейлах: И когда мы едем?
Софочка: Послезавтра. В октябре.
Мейлах: В октябре?
Софочка: Да, послезавтра первое октября. Одевайся, я жду. Нас у причала ждет заморский лайнер.

Софочка уходит.

Явление двенадцатое

Видение Мейлаха.

Мейлах, затем доктор Мозель — Марк Шагал.

За подкладкой твоих прорех не осталось места.
Твой портной был предельно нетрезв. Увольняй портного.
Ты вчера проспала рассвет, развалившись в кресле.
Ты — страна золотых развалюх и объедков слова.

Все лекарство твое идет на «успеть до завтра».
На сынов твоих хватит тебя, да сынов негусто.
Ты вчера при затмении глаз продолжала чавкать.
Ты — страна непреложных кастрюль и объедков чувства.

Курам на смех. Себе под дых. Семенное племя...
Закатай рукава до ушей — вдруг да что-то брызнет.
Ты вчера на безвременье нудно жевала время.
Ты — страна преждевременных дел и объедков мысли.

Шагал: Я извиняюсь, здесь, случайно моя коза не пролетала?

Мейлах: Кто? Коза?

Шагал: Такая зеленая.

Мейлах: Зеленых коз не бывает.

Шагал: Если мы чего-то не видим, это не значит, что этого нет.
Мейлах: А почему зеленая?
Шагал: Какой же ей быть? Она же нарисованная. Образ, понимаешь?
Мейлах: Какой образ?
Шагал: Зеленой тоски. Рутины. Того, что всегда рядом, и от чего так сложно убежать.
Мейлах: А возможно?
Шагал: Что возможно?
Мейлах: Убежать.
Шагал: Убежать нельзя. И уехать нельзя. Можно только улететь.
Мейлах: Как?
Шагал: На крыльях. Высоко-высоко, в облака. Ты должен понять, Мейлах, ты же поэт.
Мейлах: А ты — племянник Шагалов, тот, который сгинул за границей?
Шагал: Да, я Мойша Шагал. Только почему же сгинул? Если меня нет рядом с Зеленой Козой, это не значит, что меня нет вообще. За границей тоже люди живут. И, поверь, еще как живут.
Мейлах: Зачем же ты ищешь то, от чего улетел?
Шагал: Покормить.
Мейлах: Покормить?
Шагал: Для вдохновения. Пока не покормишь зеленую козу, крылья не вырастут.
Мейлах: Так, может, лучше вернуться и найти ее раз и навсегда?
Шагал: Так смысл не в том, чтобы найти.
Мейлах: А в чем?
Шагал: Смысл в поиске.
Мейлах: Козы?
Шагал: Зеленой Козы. Понимаешь, без нее не растут крылья, но с ней не взлетишь.
Мейлах: А за границей есть Козы?
Шагал: Есть.
Мейлах: Зеленые?
Шагал: Там тоже живут люди.
Мейлах: Живут?

Шагал исчезает. Затемнение.

Явление тринадцатое

Снова знакомый дворик.
Милиционер, Рахиль, Миша, Мейлах (лежит, отвернувшись к стене).

Рахиль: Вот ведь паразит! Ведь это он нарочно умер, чтобы мне досадить!
Дора: Что вы такое говорите!
Рахиль: Я говорю то, что знаю. Мне бы только глянуть в его бесстыжие глаза.
Зураб: Взглянуть не получится. Вот справка: причина смерти — опасное инфекционное заболевание, поэтому в целях предотвращения эпидемии его запаляли в цинковый гроб.
Рахиль: Оставил нас с Мишей в полном одиночестве. Ёлупень!
Миша: Мама, не надо так.
Рахиль: Что, мама? Не засматривался бы на всяких вертихвосток, так еще бы нас пережил! Так нет же, все куда-то в облака его тянуло. И вот результат.

Дора: Спи спокойно, Мейлах, ты заслужил это, как никто другой... Мы всегда будем тебя помнить.

Зураб: Вы лучше скажите, у вас деньги есть?

Рахиль: Скажете тоже. Откуда деньги у простой еврейки?

Миша: А для чего деньги?

Зураб: На похороны. У него кроме вас, пожалуй, больше никого и нет.

Рахиль: Это не волнуйтесь. Само собой, похороним как родного.

Дора: Предлагаю повесить на нашем доме мемориальную табличку.

Миша: Из настоящего мрамора?

Дора: Лучше из гранита.

Зураб: Какую еще табличку?

Дора: В этом доме жил поэт Мейлах Кац.

Миша: Лучше назвать его именем улицу.

Зураб: Какую улицу?

Рахиль: Нашу переименовать. Четвертую трудовую. Куда их столько? Хватило бы и трех трудовых, а четвертую, тупиковую, назвать «тупик Мейлаха».

Зураб: Вы хоть понимаете, о чем вы говорите? Вы чьим именем хотите назвать советскую улицу?

Дора: Именем известного поэта.

Зураб: Кому известного?

Дора: Всей улице!

Миша: И именем бывшего партизана, сбившего вражеский самолет.

Зураб: С ума посходили? Кто назовет улицу именем еврея, не сидящего в Кремле?

Рахиль: Тогда придется ограничиться памятником на могиле с тремя буквами.

Дора: С какими тремя буквами?

Рахиль: МАК.

Миша: Что это?

Рахиль: Мейлах Абрамович Кац.

Зураб: Почему не полностью?

Рахиль: Времена меняются. Люди есть всякие. Если из мавзолея вынесли отца всех народов, то бедный Мейлах с его фамилией при смене власти тоже может не улежать на месте.

Зураб: Мудрое решение.

Рахиль: Спи спокойно, Мейлах. Каждому себе.

Затемнение.

Явление четырнадцатое

В темноте возникает светящийся Мейлах. К нему выходит Зеленая Коза. Она трется о его ноги. Мейлах достает еду и кормит Козу.

Появляется Мозель в образе Шагала.

Мейлах: Вот, немного покормил твою Козу. Она, и правда, Зеленая.

Шагал: Я же говорил. Только это не моя, а твоя Коза.

Мейлах: Моя? Своя собственная... Зеленая! И я ее покормил. Теперь... крылья? Да?

Шагал: От тебя зависит.

Дантес (возникая из темноты): И стоило ради этого умирать?

Мейлах: Стоило.

Дантес: Видишь, всему свое время. И без моего пистолета обошелся. Кстати, чем тебя порешили?

Мейлах: Чемоданом. Софочка купила нам два одинаковых, только на ручку своего повязала красную ленточку.

Башня (возникая): Полная безвкусица. Зачем с ленточкой?

Тетя Дуся (возникая): Она говорила, там сугубо женские вещи.

Башня: И что?

Тетя Дуся: И просила внутрь не заглядывать.

Мейлах: Я и не заглядывал. Просто эту ленту на свой чемодан перевязал.

Башня: Куда тебе на чемодане ее ленточка?

Мейлах: Если мы муж и жена, то какая разница, на чем чемодане лента?

Башня: Ёлупень.

Мендельсон (возникая): Перестаньте оскорблять поэта. Тем более покойного. Как же вы умерли?

Мейлах: На таможенном контроле мы встали в соседние очереди. Ее очередь подошла чуть раньше. И только она переступила пропускную линию, как кинулась вперед к какому-то мужику с сальной улыбкой и...

Мендельсон: И что? Что они?

Мейлах: Они скрылись в толпе.

Мендельсон: А вы?

Мейлах: Схватил свой чемодан и бросился назад, к выходу. Меня останавливали, я врал, что по ошибке взял паспорт старшего брата и сейчас вернусь. Выпустили.

Моисей (возникая): После этого ты стоял за углом и плакал?

Мейлах: Соринка попала в глаз.

Дантес: Врать нехорошо.

Мейлах: Думаешь, легко покинуть Родину?

Моисей: О чем же ты раньше думал?

Мейлах: Не знаю. Наверное, просто не думал.

Башня: Мейлах, так ты украл чемодан этой вертихвостки?

Мейлах: Он просто остался у меня. Но когда я его открыл... Там лежали старые страшные сапоги, битком набитые разной валютой и драгоценностями!

Шагал: Эти драгоценности достались ее мужу по наследству. Чтобы их заполучить, дядя Софочки и выманивал ее за границу.

Моисей: Ты был ей нужен только для получения визы. Как ты это сразу не понял? Предыдущий муж наотрез не соглашался, потому она и провернула весь этот фокус с тобой.

Мендельсон: Где же муж Софочки?

Моисей: Его больше нет. Если бы она знала это раньше...

Мейлах: Если бы она знала это раньше, я бы сейчас сидел без денег и стирал белье. А так доктор Мозель почти бескорыстно написал справку о моей смерти, упаковал в цинковый гроб хлам потяжелее и отправил Рахили с моим старым паспортом.

Дантес: Ты же его потерял.

Мейлах: В том все и дело, что все это время у меня было два паспорта. Теперь у меня остался только один. Новый.

Мендельсон: Зачем мертвому паспорт?

Шагал: Кто тут мертвый? Он? Какой же он, извините, мертвый?

Башня: По документам он — труп. Так что пусть соответствует.

Тетя Дуся: По одним да, но есть и другие, там он вполне жив.

Миша: И что дальше?

Мейлах: Дальше — октябрь.

Башня: Он, что же, паразит, все же наступил?

Мейлах: Да.

Тетя Дуся: Теперь решай сам, куда идти.

Мейлах: Сам?

Все: Сам... Сам...

Мейлах: Хотелось бы проведать облака. Но... *(пытается заглянуть за спину в поиске крыльев)*. Там ничего не выросло. Или... Если мы чего-то не видим, это еще ничего не значит... Да? Да. Да!

Что легче воздуха — во мне.

Так — свысока на птиц.

Пружиной что ли распрямиться.

В огне углем сплясать.

Мне небо — мать,

и мачеха — земля.

Я — капитан. Последним с корабля.

В капкане дня я не состарюсь ни на день.

И тени прошлого останутся в тени.

Я заглотив наживку, Бог.

Тяни!

Во время чтения Мейлах взлетает ввысь. Его обступают облака, скрывающие остальных персонажей.

Занавес.

Георгий Горький
(г. Москва)

СВОБОДА*
Повесть

Настоящее имя — Георгий Панкратов. Финалист независимой литературной премии «Дебют» (2014). Участник лонг-листа литературной премии «Ясная поляна» (2015). Лауреат конкурса «Северная звезда — 2014» журнала «Север». Финалист Международного литературного форума «Славянская лира — 2015» (2-ое место по версии зрительских симпатий). Финалист Международного литературного форума «Славянские традиции — 2015». Финалист литературной премии «Золотая тыква» (2014). Третье место на межрегиональном литературном конкурсе им. Твардовского «За далью даль» (2014), участник лонг-листа конкурса «За далью даль» (2015). Полуфиналист премии «45-й калибр», сезон 2013—2014. Обладатель диплома в номинации «Особый взгляд (Поэзия)» на всероссийском конкурсе «Верлибр» (2015). Родился в Санкт-Петербурге, в разное время проживал в Нижнем Новгороде, Екатеринбург, Омске. В настоящее время проживает в Москве и Севастополе. Публикации: «Нева» (Санкт-Петербург), «Нижний Новгород», «Север» (Петрозаводск), «Кольцо А» (Москва), «Волга — 21 век» (Саратов), «Иные берега» (Хельсинки, Финляндия), «Интеллигент-Москва» (Москва), «Наше поколение» (Кишинев, Молдавия), «Литература», «Первая роса» (Ульяновск), «Пегас» (Санкт-Петербург), «Артбухта» (Севастополь), «Процесс» (Прага, Чехия), «Эрфольг», «Русская жизнь», «Новая реальность», «Литературно-философский журнал «Топос», «Ликбез», «Истории о любви», «Мастерская Евгения Берковича», «45-я параллель», «Современная сетевая словесность», «Город Пэ», «День литературы».

2

Митинг у Останкина так и не собрал большого количества людей — не знаю, почему, может быть, плохо поработали в социальных сетях вчерашние активисты, может, кто-то жил далеко и не захотел ехать, а может, потому, что в городе стремительно развивались события, о которых вам, читателю, только предстоит узнать. Увлеченные своей борьбой, активисты-пешеходы поначалу тоже не знали о них. Телевидение не обращало никакого внимания на их появление, поэтому, собравшись с силами, они все-таки сумели перекрыть проспект Королева. Автомобилисты слушать претензии и требования собравшихся не стали вовсе: они сворачивали на Новомосковскую и объезжали их по Первой Останкинской улице, так же поступали и те, кто ехал из Марфина и Отрадного. Активистов для того, чтобы остановить движение и там, не хватало. Однако оно оказалось все равно сильно затруднено: начинавшаяся от Останкинского парка Новомосковская улица была двухполосной, и расширялась — лишь на одну полосу — только после пересечения с проспектом Королева, но в разы

* Продолжение. Начало в «ПЗ» № 3, 2015.

увеличивалось и количество автомобилей: на нее поворачивал весь поток, направлявшийся от ВДНХ.

Поначалу бодрые, активисты сдавали свои позиции: в воздухе витало трагичное ощущение — «что-то пошло не так». Люди не понимали, что именно, но делились ощущением друг с другом, и даже энергичный заводила Вадим казался сегодня совсем не таким, как на собрании в зале. Он не мог понять, где они допустили ошибку, и допустили ли они ее вообще, или просто произошло что-то, от них не зависящее, чего они не могли учесть. Поразительно долго не появлялись поезда монорельса, проложенного над проспектом Королева. Ведь не могли же перекрыть движение надземного метро из-за их акции? Телевидение не замечало их вообще, создавалось впечатление, что из здания телецентра «Останкино» никто не выходит и также никто не стремится попасть туда.

Автомобилисты, завидев их, сразу же разворачивались.

— Выходит, ни себе, ни людям,— пробормотал Вадим.— И движение толком не перекрыли, и с людьми толком не пообщались.

— Нужно уходить,— крикнул Олег, вчерашний пьяный рабочий, сегодняшний растерянный помятый мужик.— Мы здесь ничего не добьемся. Обмозговать надо.

Однако события развивались стремительнее, чем того хотелось бы мужчинам, вышедшим отстаивать права пешеходов, и совершенно иначе, чем они предполагали. А все началось с того, что на перекрестке Новомосковской и Королева, с которого все водители, завидев перекрытую дорогу впереди, спешили свернуть, автомобиль врезался в троллейбус. Произошло столкновение, скажу честно, по вине автомобилиста: завидев медленно поворачивающую неповоротливую махину с «рогами», он решил резко рвануть и обогнать троллейбус, пока он еще не повернул. Не получилось. Водитель троллейбуса, чертыхаясь, открыл переднюю дверь и вышел на улицу. Не успев произнести хотя бы слово, он получил резкий удар в лицо, от которого пошатнулся, затем еще один — такой мощный, что его отбросило на троллейбус. Борясь с головокружением и пытаясь устоять на месте, он разглядел перед собой крепкого парня в футболке с изображением каких-то высотных зданий, и — что немедленно привело его в ужас — с автоматом в руках. Вот тут-то и начинается, ребята, самая ужасная история.

— Тихо,— произнес водитель,— Тихо. У вас разве есть какие-то повреждения? — он пытался рассмотреть автомобиль — это был BMW черного цвета. Троллейбус слегка задел машину — той просто не хватило времени, чтобы обогнать его. Разбираться, на взгляд водителя, не было никакого резона. Если бы не одно но: автомат в руках парня.

— Значит так,— начал тот.— Это сейчас у тебя будут повреждения. И у всех этих,— он сказал неопределенно, указывая автоматом на троллейбус. За ним стояли другие троллейбусы, которым было невозможно проехать самим, и которые при этом мешали движению автомобилей. На дороге наступил хаос: все хотели быстрее объехать неожиданное препятствие, но Новомосковская окончательно встала.

— Слушайте, давайте разъедемся, мы ведь не пострадали, транспортные средства целы — заискивающе произнес водитель троллейбуса.— Давайте разъедемся. У меня же люди,— он показал на свой троллейбус и на скопившиеся за ним другие троллейбусы — и там же везде сидят люди, им надо ехать. За что они-то будут страдать?

— У тебя не люди,— коротко сказал автоматчик.— Люди сейчас подъедут.

Он отошел от водителя, достал белый телефон и некоторое время агрессивно с кем-то разговаривал, размахивая руками и указывая то в направлении троллейбусов, то в направлении митингующих возле телецентра, то, почему-то в сторону монорельсовой дороги. Из-за шума вокруг водитель троллейбуса не мог расслышать ни слова, к тому же мешал другой шум — в голове, который медленно, но верно захватывал

все сознание: «Бежать, бежать куда глаза глядят». И все же, несмотря на это, он стоял как вкопанный. Договорившись с кем-то по телефону, водитель черного автомобиля вернулся к нему, но не говорил ни слова, как будто вовсе не замечал.

— Я слышал о вашей акции,— затараторил водитель троллейбуса.— Вы вооружились, да? Забрали у них автомобили? Я и сам хотел, я ж состоял в группе, да вот... рабочая... понимаете, смена.

Автоматчик посмотрел на него пристально и процедил сквозь зубы:

— Это митинг рабов. Мы его использовали.

— Так вы, что,— пробормотал учитель.— Вы выступаете против них? Но они — там, понимаете, там,— он показал в сторону телецентра.— А здесь просто обычные пассажиры.

— Свободный человек,— произнес автоматчик,— может выступать только за самого себя.

— Свободный человек,— покачал головой водитель троллейбуса.— Мы можем с вами просто свободно разъехаться? Или мы будем полиции ждать? Я думаю, вам это вряд ли нужно, учитывая... учитывая... — он замолчал и покосился на автомат.

— Нет,— произнес человек из машины.— Мы с вами никогда не разведемся.

Он резко вскинул автомат и произнес несколько выстрелов в водителя троллейбуса — в ногу, затем в живот, затем в грудь. Водитель осел, забрызгивая кровью стекла своего транспортного средства, а люди в салоне закричали в ужасе. Одновременно с этим они увидели множество людей, которые с разных направлений — со стороны метро «ВДНХ», автозаправки на Новомосковской улице, Останкинского парка — бежали к стоящим троллейбусам. Все они были вооружены автоматами, пистолетами и ножами, а некоторые — еще и увесистыми камнями, которые закидывали в окна троллейбусов, разбивая их.

Водитель троллейбуса протянул руку, как будто просил автоматчика о том, чтобы тот помог ему встать, но получил лишь выстрел в голову — и окончательно замер. Автоматчик плюнул на переставшее шевелиться тело и заскочил в переднюю дверь троллейбуса:

— Ну что, быдло,— заорал он.— А ну быстро сказали «Му-у-у-у»!

Люди вскочили с мест и кинулись к закрытым дверям, но их уже вышибали с улицы крепкие парни с оружием. Ворвавшись в троллейбус, они загоготали диким смехом.

— Приветствую братьев! — крикнул автоматчик возле кабины водителя.

— Слава свободным! — отозвались парни.

— Вы, мрази,— крикнул автоматчик — А ну мычать, я кому сказал?

— Что вы от нас хотите? — в отчаянии прокричала женщина лет тридцати с пакетом в руках.— В чем мы перед вами провинились?

— Эй, мразь,— крикнул парень возле средней двери.— Говори на своем языке, поняла? Братя, держите их на прицеле. Если кто побежит к двери — сразу стреляй животных.— Он подошел к женщине и приставил ей нож к горлу.— Ты даже не корова, а свинья. Смотрю, ты круглая такая вся, а харя-то, а харя! Пьешь, небось? А ну говори, пьешь?

— Нет, иногда, ну иногда, по праздникам,— затараторила женщина.— Ну как все.

— Не как все,— заорал парень.— А как все ваше стойло только. Свободные люди не пьют, ясно тебе?

— Да что ей знать о свободных людях,— крикнул автоматчик возле первой двери.— Давай решай уже «свинский вопрос».

— Пощадите нас, мальчики, милые, солнышки, что же мы вам сделали,— заныла бабушка на переднем сиденье.— Мы же народ просто, обычные люди.

— Обычные люди,— передразнил автоматчик.— За это и ненавижу вас. Сдохни, тварь! — он выстрелил ей в голову. Женщина с пакетом истерически закричала.

— Что ты орешь, дура? — парень с ножом ударил ее в голову. — А ну быстро хрюкай. Или чего, свой язык забыла? Давай, хрю-хрю. А ну быстро, хрю-хрю.

— А вы чего расселись? — заорал парень у средней двери остальным пассажирам. — Давайте хором: му-у-у-у! А ну мычите! Быстро, быдло, мычать! Не то убью к чертовой матери.

Пассажиров в троллейбусе было немного — помимо женщины и убитой бабушки, в салоне сидели молодой человек с папкой в руках, двое рабочих в комбинезонах, пожилая пара на самом заднем сиденье и мужчина в спортивном костюме, который сел напротив средней двери на корточки, обхватив голову руками. Все замычали — сначала тихо, настороженно, но потом — повинясь инстинкту самосохранения — все громче и слаженней.

— А ты хрюкай, мразь! — крикнул парень с ножом женщине. Та сквозь слезы захрюкала, и все захватчики троллейбуса громко засмеялись.

— Славно, — автоматчик, расправившийся с водителем и старушкой, пролез под турникетом и направился в салон троллейбуса. — Славно, звучит, как песня! Я бы даже сказал, как молитва звучит! Как молитва царю, за которого вы голосовали. Молитесь, молитесь ему.

Он подошел к парню, сгруппировавшемуся на полу троллейбуса, и погладил его по голове. Тот старательно мычал и дрожал всем телом.

— Молитесь ему, молодцы. Только услышит ли он ваши молитвы? — он вскинул автомат. — Придет ли сюда, прилетит ли с птичьим клином, заберет вас в свое райское небо, а? — он картинно развел руками. — Сейчас посмотрим.

На этих словах он приставил автомат к голове парня в спортивном костюме и выстрелил. Кровь и ошметки мозгов брызнули на чистую футболку парня, и он брезгливо поморщился:

— У него даже мозги были, — смотрите, парни, — он изобразил удивление. — Вот уж никогда не подумал бы. А ты? — он переключился на молодого человека с портфелем. — Спасет тебя царь?

— Я не выбирал его, — прошептал тот.

— Так, — взорвался автоматчик. — Тебе слово давали? Твое дело — мычать, понял?

Молодой человек поспешно кивнул и продолжил мычание. Автоматчик выстрелил ему в голову, и тот завалился на окно троллейбуса.

— Ну что, — обратился он к оставшимся. — Спасает вас царь, а? Летит на голубом вертолете?

В салон забежал совсем молодой парень лет шестнадцати, с длинным кухонным ножом в руке.

— Слава Свободе! — крикнул он.

— Слава! — отозвались автоматчики.

— Что тут делаете?

— Свиныю резать будем, — женщина продолжала тихо хрюкать, смешно подрагивая, она уже понимала, что участь ее решена: спастись не получится.

— Так, свинья, — обратился к ней человек, державший у горла нож. — Ты же свинья? Говори: я свинья.

— Я свинья, — повторила женщина.

— Я русская свинья, говори — засмеялся шестнадцатилетний.

— Я русская свинья, — монотонно произнесла женщина, но тут же тихо спросила: — А вы сами не русские разве?

— Заткнись! Ты знаешь, что со свиньями делают, — засмеялся человек с ножом и, не дожидаясь ответа, заявил: Правильно, их режут на сало.

— Не надо, прошу вас, — взвизгнула женщина, но парень крепко схватил ее за волосы и принялся отделять голову от тела. — Эх, много сальца будет от нашей свинки.

Доделав дело, он подбросил голову женщины в воздухе и со всей силы пнул ее — голова вылетела через окно троллейбуса, и ее поймал кто-то из вооруженных людей, количество которых постоянно прибывало.

— Слава Воинам Свободы! — послышалось с улицы.

Автоматчики выбежали из троллейбуса, указав парню с кухонным ножом на пенсионеров, сидящих на заднем сиденье.

— Доделай их, — тихо сказал один из автоматчиков.

Выскочив на улицу, вооруженные люди быстро добежали до следующего троллейбуса. Ситуация на проспекте Королева изменилась — то тут, то там горели автомобильные крыши, распространяя зловония и черный дым на много метров вокруг себя, в допустимой близости к ним стояли люди, вооруженные кто чем — от бит и кастетов до огнестрельного оружия.

— Мы будем вас взрывать и убивать, — слаженным хором скандировали они. — Слава Воинам Свободы!

В подтверждение их слов несколько автомобилей действительно уже горело, в другие они кидали бутылки с зажигательными смесями. Машины воспламенялись быстро, из них выскакивали объятые пламенем люди, и автоматчики добивали их.

В соседнем троллейбусе было уже больше людей. Все они сидели на своих местах, и борцы за свободу, направив на них автоматы, следили за каждым движением. Люди, впрочем, старались не двигаться, некоторые из них от ужаса потеряли сознание. Но нашлись и смельчаки, которые принялись спорить с захватчиками.

— Война свободных против рабов? — кричал мужчина лет сорока с густой бородой, сидевший возле средней двери. Он пытался встать, но автоматчики жестом указали на место. — Где это видано? Обычно идет война рабов против свободных. Рабы восстают, чтобы им дали свободы, — он плевался от злости, брызгая слюной во все стороны. Чувствовалось, что он боится парней с оружием, но гнев сильнее страха.

— Рабы никогда не восстают, — крикнул автоматчик. — Восстают свободные.

Бородатый хотел еще что-то добавить, но его перебила хрупкая девушка в сером пальто. Голос ее дрожал, но она тоже была полна решимости.

— А вы не думаете, — обратилась она к вооруженным людям. — Что вот это ваше деление на рабов, свободных — это такая же дискриминация, как и дискриминация по половому признаку, дискриминация по национальному признаку, дискриминация по сексуальной ориентации, например, что является вашей козырной темой, которую вы всю эксплуатируете. Я же слушала ваши речи по радио, читала вас, когда вы еще не захватили все. А теперь что — где ваше равноправие.

— Так они еще и пидары, — выкрикнул с места какой-то пьяный парень, и был тут же застрелен. Выстрелив, автоматчик обернулся и спокойным твердым голосом ответил девушке:

— Слушай меня, серость. Дискриминация возможна среди людей, а не среди животных. Свобода — это не равноправие. Не пачкай своей грязью наше чистое знамя, поняла? Равноправие — это для вас, рабов. Для скотины в стойле.

— Вы, не скотина, — опять завелся бородатый. Остальные пассажиры в основном молчали, многие уткнулись глазами в пол и прижались друг к другу, даже если не были знакомы ранее. — Вы вообще хоть что-нибудь умеете? Вот вы все, кто там что-то сейчас жжет на улице, кто орет, кто кидает эти бутылки, швыряет в нас камни, кто стоит здесь с автоматами и ножами, кто называет нас быдлом — так вот представьтесь нам, скажите, кто вы такие? Кто вам дал это право — над нами измываться?

— Права не дают, — заорал тот самый автоматчик, который казнил водителя троллейбуса. — Их берут.

— Вот это сила, — подхватили остальные. — Вот это гуд.

Троллейбус, казалось, затрясся, затряслись и пассажиры.

— Что, ссыте, челядь? — рассмеялся автоматчик.— И правильно делаете, свободные вам спуска не дадут. Значит так, отвечаю на твой вопрос, умник. Мы умеем быть свободными, и этого нам достаточно.

— Среди вас есть врачи? — крикнул бородатый.— Водители тех же троллейбусов? Учителя? Строители, наконец?

— Ты, мудака,— один из автоматчиков подбежал к нему и резко ударил несколько раз пот лицу прикладом.— Объясняю тебе последний раз. Последний раз, потому что это твой последний вопрос, понял? Посмотри в окно: все дома видишь? — тот кивнул.— Магазины видишь? Трамваи идут вон, видишь? Так вот, это все построили мы. Будешь спорить? — на этих словах он ударил бородатого кулаком по лицу.— Будешь спорить?

— Нет,— пробормотал тот.

— Вот и славно. А надо будет еще — ты построишь. А мы все отнимем у тебя, ясно? Все, что нам нужно. Придем и заберем.

— Но вы же не инородцы,— воскликнула девушка в сером пальто.— Мы же одна нация! Другое дело, если бы вы были этими,— она подбирала слова, воспитание не давало скатываться в грубость.— Чужеземцами. У вас сердце вообще есть?

— И что? — отозвался один из вооруженных парней.— Мы уважаем чужеземцев, а вас не уважаем. Соседние республики? Они все с нами, думаете, что, они против свободы? Да против свободы только поганые рабы, такие как вы. А они — наши братья, воины. Их есть за что уважать, они злые. У них сердце — о-го-го! Но оно не такое, как у вас. Оно злое, понимаете? Оно яростное! Это вам сердце нужно, чтобы плакать и ныть, а им — чтобы жить! Это у вас оно мягкое, розовое, подушечное. Думаете, сердце такое? Хрена вам, сердце — это ярость, это мотор. А вы трусы. Вам сердце нужно поганый «Иронию судьбы» под свой поганый Новый год смотреть. Вы не имеете права на существование!

В этот момент раздался грохот и звон разбитого стекла: сначала всем показалось, что стекло разбили камнем снаружи, но это было не так: не выдержали нервы у парня, который все это время сидел, обхватив голову руками. Он разбил стекло кулаками, но, конечно, оно не рассыпалось все сразу — лишь несколько залитых кровью осколков посыпалось вниз, и парень в ужасе заорал, размахивая руками и разбрызгивая кровь. К нему стремительно ринулся автоматчик, схватил рукой за волосы и со всей силы насадил парня на торчащие куски стекла.

— Что, запасный выход ищешь? — рассмеялся он.— А что ты запас? Ты хоть знаешь, почему запасный, а не запасной, раб?

Девушка, сидевшая рядом, схватила парня за руку, он оторвал окровавленную шею от стекла и посмотрел на нее мутным взглядом. Из разорванной шеи била кровь и торчали куски стекла.

— Боже! — крикнула девушка.— Боже! Что ты сделал, подонок? Это же мой муж! Что ты сделал? — Она вскочила и побежала к уходящему автоматчику. Тот развернулся и ударил ее пару раз по лицу.

— Заткнись,— громко сказал он. Тело убитого парня скатилось под сиденье троллейбуса, лужа крови растекалась по салону. Девушка подбежала к нему и схватила за руку, пытаясь нащупать пульс, а затем, поняв, что это бесполезно, просто гладила руку, не отпуская.

— Люблю тебя,— шептала она.— Люблю тебя, слышишь? Люблю, люблю. Не умирай, пожалуйста.

— Встань, шлюха! — подошел к ней автоматчик.— Ушла любовь, завяли помидоры. Собирайся, ты еще нужна людям Свободе!

Но девушка ничего не отвечала ему, словно не замечая ничего вокруг, кроме убитого.

— Потому мы вас и ненавидим, чернь,— презрительно крикнул автоматчик.— За вот эту вашу любовь, за вот эти семьи, за вот это все. Свободный человек так не живет, свободный человек не считает гроши, не копит на какую-нибудь паршивую мебель годами. Не держит, твою мать, за руку, и не причитает о любви,— а ну отпусти его,— автоматчик выхватил нож и несколько раз с силой ударил по сцепившимся рукам. Девушка в ужасе отпустила руку и заорала.— Ты гороскопы ему почитай еще, дрянь! Он же умер. Он уже умер, шлюха. Свободный человек не любит, поняла, мразь? Свободный человек никого не любит, сука! Запомни это.

— Заткнись, урод! — заорала нечеловеческим голосом девушка.— Я беременна, у меня будет ребенок, заткнись, урод!

— У тебя не будет ребенка,— рассмеялся воин Свободы.— Хочешь, докажу?

Он резко всадил нож в живот девушке и одним движением вспорол его.

— Я вас убью, нелюди! — заорал бородатый.

— Стреляй,— крикнул кто-то из воинов Свободы.— Стреляй животных.

— Ты, твою мать, Шариков,— подошел автоматчик к бородатому.— На колени!

— Не дожدهшься, мерзавец.

— Быдло умирает на коленях! — крикнул автоматчик — А ну быстро! — он сделал несколько выстрелов по ногам бородатого, и тот, подкошенный болью, свалился на пол.

— Целуй сапог воина Свободы! — вскричал автоматчик,— Целуй, а то убью! — он приставил автомат к голове корчащегося от боли человека. Тот сделал усилие и придвинулся к ноге убийцы, изобразив что-то вроде поцелуя.— Язык достань! — приказал автоматчик.— Вот так, хорошо, лижи ботинок своего хозяина. Хозяин отблагодарит тебя за это.

— Зачем вы устроили этот теракт? — закричала девушка в сером пальто.— Во имя чего? Во имя каких богов?

— Это не теракт, мышка,— улыбнулся автоматчик.— Это обычный день. Теперь у вас, рабов, каждый день такой будет. Приготовьтесь наслаждаться.

На улицах что-то непрерывно взрывалось, слышалась стрельба и человеческие крики. Казалось, что все вокруг в огне, словно разверзся ад и поглотил проспект Королева в Москве. «А что же остальной город? — судорожно думала девушка в сером пальто.— Неужели это везде?»

Автоматчик не дал ей закончить мысль. Он подошел, схватил ее за голову обеими руками, и резко повернул вправо. Треснули позвонки, и бездыханное тело свалилось в растекавшуюся на полу троллейбуса кровавую лужу.

— Так, а ты кто такой? — недоуменно спросил воин Свободы.— А ну братья, идите сюда. Посмотрите-ка на него.

На последнем сиденье троллейбуса сидел худой парень в очках и с интересом оглаживал подошедших. На парне были красные джинсы и клетчатые кеды, свитер с изображением каких-то крестов и других геометрических фигур, волосы его были прилизаны, а на левой руке вместо часов болтались какие-то непонятные браслеты. На коленях у парня стоял раскрытый ноутбук.

— Что это мы тут делаем,— произнес один из захватчиков троллейбуса.

— Восхищаемся людьми Свободы,— поднялся со своего сиденья молодой человек.— Хочу позжать вам руку и сказать, что я поражен просто,— он улыбнулся настолько широко, насколько позволяли, наверное, возможности его губ.— Вашей самоотверженностью, вашей бескорыстностью, бескомпромиссностью, преданностью великой идее Свободы, ради которой вы бросаетесь в пучину опасной борьбы, а ведь ставкой в ней могут быть ваши жизни. Но жизнь для воина Свободы — это лишь инструмент, который он готов положить на алтарь великой цели. Я хочу преклонить перед вами голову. Перед вами и вашими светлыми идеалами, выше которых нет

ничего на земле. Спасибо вам, вы герои.— Он действительно склонил голову, но ненадолго — буквально тут же поднял ее, посмотрел в глаза ближайшему автоматчику и протянул ему руку.

От неожиданности автоматчик пожал руку молодого человека и промолчал. Тот жестом пригласил его присесть рядом. Автоматчик послушно согласился, остальные воины свободы скучковались вокруг них и уставились в экран ноутбука.

— Это моя страница в фейсбуке,— сказал парень.— Я Аксель, блогер. Меня читают и лайкают, я популярен, выступал на «Дожде», печатался на «Эхе», я нормальный человек, чтоб вы не думали. В троллейбусе я не случайно, я делаю блог о людях Свободы.

Автоматчик взглянул на экран и увидел фото самого себя. Вот он замахивается автоматом на бородатого. Подпись — «#Герой Свободы и #Шариков. Подавление озверевшего #быдло». Следующий пост — другой автоматчик оживленно спорит с «серой мышью», гневно указывая пальцем в сторону сиденья. «#Свободный человек указывает место проплаченной шавке» — гласит подпись. Под ней — немного текста, но автоматчик не читает, кивком просит продолжить показ. На следующем фото воин свободы держит за волосы парня и готовится «впечатать» его в стекло, рядом — застывшая в ужасе девушка, оба — еще живые. Фото озаглавлено коротко — «Так будет с каждым, кто стоит на пути #Свобода». «Я восхищаюсь этими людьми. Они — единственные в тысячелетней истории Рашки, кто бросил вызов дремучему и беспросветному рабству. Это не рабы, как какие-то #пешеходы на #митинг пешеходов, который уже давно пора пристрелить, как собак последних. Нужно быть людьми высшей пробы...» Автоматчик не стал читать дальше и посмотрел на братьев. Те были растеряны.

— И знаете, что,— миролюбиво сказал парень,— Здесь не хватает только одного фото, последнего.

— Какого же? — машинально спросил автоматчик.

— «Я с великими воинами Свободы». И я, такой, отмечу себя на этой фотке и выложу. Репостов будет тьма. Вострог и восхищение вам обеспечены — от благодарных людей, считающих себя свободными — во всем этом несвободном городе. Ну, прошу вас, ребята, пожалуйста. Это же не трудно? — он закончил речь, и улыбка застыла на его лице.

— В общем, так, друг Свободы,— очнулся один из захватчиков, словно от дремы.— Вот тебе нож, держи его.

— Зачем? — непонимающе спросил парень.

— Пойдешь с нами,— автоматчик захлопнул ноутбук и передал его одному из воинов.

— Э, ребята, ноут-то отдайте,— заныл парень.

— Пойдет на нужды Свободы,— отрезал автоматчик.— Как и ты сам. А ну, пошли,— он схватил парня за руку и выволок на улицу.

От грохота взрывов моментально заложило уши. Возможно, поэтому автоматчик не сумел услышать вовремя автомобиль, который задел его и чуть не заставил упасть.

— Эй,— от неожиданности крикнул автоматчик.— Ты куда троллейбус обгоняешь? Видишь же, люди выходят?

Воины свободы тут же принялись крушить лобовое стекло, разбивать фары, выламывать двери авто.

— Что я вижу? — вскричал Аксель.— Нападение на воинов Свободы?

— Заткнись,— сказал автоматчик и несильно ударил его в бок. Вооруженные парни выгнали из машины человека в круглых очках и с короткой бородкой. Тот с недоумением и страхом смотрел на окружающих людей.

— Я просто хотел проехать,— говорил он срывающимся голосом.— Я вообще не

понимаю, что происходит. Кто вы все такие? В стране началась революция? Революция против автомобилистов?

— Нет,— не выдержал Аксель и нарушил запрет автоматчика.— Это революция против пешеходов!

— Так я же автомобилист,— всерьез ответил человек.— Вы же прекрасно видели, что я ехал на автомобиле. Я ехал разгонять пешеходный митинг у Останкина, неужели не ясно?

— Я же тебе сказал, заткнись,— обернулся автоматчик к Акселю, не обращая внимания на автомобилиста.

— Я вам помогаю,— гордо сказал Аксель.— Этот человек — никакой не автомобилист. Он состоит в продажном движении трясущихся за свои нищербродские жопы пешеходов. Я все про эту публику знаю, потому что следил за ними и писал в своем блоге. Этот человек врет, и ему не стыдно,— заключил молодой человек.

— Как вас зовут? — автоматчик обратился к автомобилисту.

— Ефим,— распрямившись, ответил тот.

Воин Свободы протянул нож молодому человеку:

— Держи.

— Зачем? — непонимающе уставился на него Аксель.

— Прирежь гниду Ефима.

Аксель почувствовал, что его начинает тошнить, что какое-то внезапное недомогание охватывает все его тело, парализует, не давая даже протянуть руки за ножом.

— Я...— протянул он.— Я никогда не... В общем, я не могу.

— Не можешь? — презрительно спросил автоматчик.— А что же ты тогда можешь? Зачем ты нужен воинам Свободы, подумал об этом?

— Делу свободы можно служить по-всякому,— затараторил Аксель.— Кто-то стреляет, кто-то снаряды подносит, а кто-то агитирует, кто-то занимается информационной поддержкой.

— Ты нам зубы заговариваешь,— процедил автоматчик.— Ты раб. Ты пойдешь с нами.

— Какой я раб? — голос Акселя задрожал.— Не, вы чего, ребята? Ну, в самом деле, ну какой я раб? Вы посмотрите на меня, в конце концов! Я блогер, всю жизнь был человек свободных взглядов, подруга, между прочим, есть, на «Эхе», говорил же, блог веду. Я чист, ребята, я приличный человек.

— Приказы воинов Свободы не обсуждаются,— отрезал автоматчик и повернулся к Ефиму: — А ну брысь отсюда.

— Понял,— произнес Ефим и немедленно исчез, словно растворился в воздухе, бросив свой автомобиль, вернее, его остатки. Автоматчик толкнул Акселя вперед и мрачно добавил:

— Попытаешься убежать — расстреляем. Или прирежем.

Молодой человек послушался и ускорил шаг. Он начинал понимать, что дела его плохи. Но все же не настолько плохи, как у этих людей, оставшихся лежать в троллейбусе — у тех не было вообще никаких шансов, у Акселя — были. Вот только какие? В голове носились беспорядочные, хаотичные мысли.

— А почему вы его оставили? — неуверенно спросил он автоматчика.

— Он в чем-то наш,— тот посмотрел на Акселя тяжелым взглядом.— Он больше наш, чем ты. Пусть гуляет. А вот ты теперь — наш пленник.

— И куда вы меня поведете? — Аксель понял, что роль пленника лучше не оспаривать. К тому же, его внимание отвлекли другие пленники — вдоль трамвайных путей, под монорельсовой дорогой вооруженные люди тащили избитых, еле передвигающихся мужчин. Периодически они падали, но получали новые удары и были вынуждены вставать и продолжать из последних сил свой путь — неизвестно куда.

— Слава воинам Свободы! — закричал автоматчик.
— Свободе слава! — откликнулись вооруженные люди.
— Кого ведем?
— Да эти, недоделанные, с пешеходного собрания!
— Всех убивать, — откликнулся автоматчик. — Поганые рабы.
— До штаба дотащим, там пусть решают.
— Свободный человек решает все сам. Кончай их.
— Ниче, пускай помучаются!

Аксель почувствовал, что теряет сознание, но упасть ему не дали — мощные руки воинов Свободы вернули ему равновесие, а для пушей убедительности дополнили двумя ударами по лицу. Словно в бреду, блогер услышал нарастающий шум и поднял голову к небу. Вооруженные люди тоже оживились и начали громко кричать: «Ура!» На высоте в несколько метров двигался монорельсовый поезд, столь привычный для жителей этого района Москвы и удивительный для его гостей. Аксель знал про монорельсовый поезд и раньше, и конечно, не раз, и даже ездил на нем, но то, что он увидел сейчас, было впервые, и зрелище это, наверняка, еще никому не приходилось видеть. Поезд ехал без машиниста — то ли не было его, то ли сбегал, то ли его убили, а из выбитых окон во всех шести маленьких вагончиках высывались люди с автоматами и стреляли по всем прохожим, которые не были, как они, вооружены. Женщины, выходящие из магазина с пакетами, семейные пары, решившие не вовремя покинуть ресторан, пассажиры трамвая, не предполагавшие рокового стечения обстоятельств — все попадали под пули и, изрешеченные, падали замертво.

— Слава Свободе! — кричали из монорельса.

— Героям Свободы — слава! — отвечали вооруженные люди с земли.

— Смерть обывателям! — орали проезжавшие, не прекращая стрелять, — Смерть быдлу! Смерть челяди!

— Ребята, — закричал автоматчик, подгонявший Акселя. — Как там в центре? Новости есть?

— Все наше, — кричали из монорельса. — Мы захватили центр. Мы захватили Рашку! Рашки нет больше! Власть — это мы. Да здравствует Великая Свобода!

— Ура! — кричали с земли. — Слава Штабам Свободы! Слава Воинам! Слава Героям!

— Эй, пешеходы, — издевательски крикнул кто-то из поезда, обращаясь к пленникам. — Вы знаете, откуда мы едем, нет? Со станции Телецентр? Знаете, что это значит?

Но пленники не поднимали головы. Подталкиваемые вооруженными воинами свободы, они лишь ускоряли шаг. Казалось, что им безразлична жизнь, безразлично происходящее вокруг. Они понимали, что их соратников расстреляли с высоты монорельсового поезда, они жалели этих казавшихся сильными мужчин, желавших добиться справедливости, но сами с ужасом думали: кому, интересно, повезло больше? Тем, кто умер так легко, или кого тащат в штаб, чтобы устроить — в этом уже не оставалось никаких сомнений — жуткую расправу.

— Русский значит трезвый, — зверем заорал один из автоматчиков, увидев паренка, выходящего из магазина с пакетом, полным пивных бутылок, в руках. Паренек пытался заскочить обратно, но воины Свободы окружили его толпой, достали из пакета бутылки и разбили каждую об его голову. Когда процедура завершилась, паренек уже был мертв.

— Свобода — это трезвость, — кричали автоматчики, а в это время Аксель, о котором все внезапно забыли, смотрел на высотный жилой дом — обыкновенную семнадцатизэтажку, какие стояли на проспекте Королева друг за другом. Его внимание привлек человек, который пытался вылезти из окна — Аксель даже успел подсчи-

тать — один, два, три, четыре — пятого этажа. Человек некоторое время стоял на подоконнике, за что-то держась и глядя внутрь квартиры — видимо, пытаясь договориться с кем-то, а затем выпрыгнул. Аксель заметил, как к телу подбежали автоматчики, мужчина, лежа на земле, пытался поднять руки, встать, но у него это так и не получилось — вооруженные люди окружили его и расстреляли.

— Мужики, я просто за хлебом пошел,— услышал Аксель где-то возле себя и, обернувшись, увидел человека лет пятидесяти, который мял в руках пустой пакет.

— Какие мы тебе мужики? — автоматчик несколько раз ударил его по лицу, пока тот не упал.— Мы ополчение Свободы! Деньги есть?

— Нет, нет у меня денег,— оправдывался мужчина.— Откуда? У меня вот пятьдесят рублей на хлеб только, жена дала.

— Ничего, доберемся и до твоей жены. У нее-то, наверное, денег побольше, раз она тебе выдает. Значит, ничем не поможешь Свободе?

— Да если б я мог,— мужик развел руками, не вставая с земли.— У меня ничего нет.

— Ясно,— произнес автоматчик и обратился к своей компании — Кончай его.

Он толкнул Акселя и прикрикнул на него:

— Давай, быстрее.

Сзади раздалась автоматная очередь.

Они шли по узкой дорожке в сторону Первой Останкинской улицы — проспект Королева с кровавыми троллейбусами, набитыми трупами людей и горящими автомобилями, монорельсовая дорога, сеющая смерть, и магазин, в котором, по всей видимости, прятались люди, оказавшиеся не в то время не в том месте — все это осталось позади. Справа от них виднелась автомойка — что происходило там, оставалось только догадываться; слева — детская площадка. Правда, ни детей, ни родителей на ней уже не было — все скамейки заняли воины Свободы. Они наполняли бутылки смесью, затыкали тряпками и расставляли стройными рядами возле себя.

— Слава Свободе! — крикнул автоматчик.

— Слава Свободе! — откликнулись люди.

Аксель смотрел на все происходящее и понимал, что он влип. Воины Свободы не отпустят его просто так — после того, что он увидел в троллейбусе, надеяться на это было глупо. А своего они в нем не видят. Это было обидно до слез — ведь поддерживал он их искренне, много читал о зарождавшемся сопротивлении, ходил на митинги, когда это еще казалось кому-то целесообразным, а с кем-то даже делал интервью для журналов. В те времена сторонники сопротивления считали главной бедой государственную власть, утверждали, что нужно свергать ее и создавать что-то свое, отличное от существующей системы — разговоры шли о парламентской республике, демократии, о чем-то еще — в общем, все проходило в относительно мирном русле. Но добиться ничего не получалось, на митинги приходило все меньше людей, к тому же полиция быстро их разгоняла. Уже тогда в среде оппозиции возрастали антинародные настроения — людей, не согласных с целями протестующих, записывали в сторонники власти и откровенно презирали, издевались в статьях, прямых эфирах, социальных сетях, публично. Люди не отвечали на заявления никак, продолжали ходить в магазины, ездить на работу — жить привычной жизнью. Аксель не помнил, когда и почему сменилась риторика протестующих, но в определенный момент она приобрела антинародный характер. Фраза «Мы будем воевать против рабов» кочевала по Интернету, встречалась все чаще на страницах и в блогах его друзей, и поначалу многим казалась смешной, но затем ею проникались: идея войны с рабами стремительно набирала сторонников. Война на истребление. Проникся ей и Аксель, еще до того, как стало понятно, что речь идет не о какой-то «борьбе за умы и неокрепшие души», а о самом натуральном физическом истреблении. А затем уже было отступать

некуда. На него давила известность, долгие годы он отстаивал последовательную позицию, и отказаться от нее — означало отказаться от своего имени. К тому же, он действительно искренне ненавидел тех, кого теперь стали называть рабами. Он считал, что без них будет лучше, и однажды написал в своем болге: «Да, всем сомневающимся: я считаю, что их нужно или изолировать, или истреблять». Именно тогда появились люди, именующие себя «воины Свободы». И сейчас Аксель шел с ними в одном ряду, но происходило это совершенно не так, как он себе представлял.

Погруженный в свои мысли, он не сразу заметил появление бронированного полицейского автомобиля — острословы называли такие «пативэнами». Он подъехал со стороны метро «ВДНХ» по Первой Останкинской и остановился напротив разрушенного магазина.

— Твою мать,— крикнул автоматчик.— Эти, конечно, на стороне быдла.

Аксель старался не показывать, что появлению «пативэна» он рад, но сейчас полиция была единственной его надеждой. Сердце тревожно забило. Из автомобиля один за другим выскакивали ОМОНовцы с автоматами и сразу же перебежали дорогу. «Они на Королева,— значит, этих ликвидируют. Должны»,— думал Аксель о воинах Свободы. Скажи он это вслух, его, скорее всего, успели бы пристрелить, но судьба распорядилась иначе: один из автоматчиков достал непонятно откуда у него взятые наручники и пристегнул его к низкому металлическому забору. Это стало последним, что сделал в нашем мире воин Свободы — вооруженные ОМОНовцы не стали тратить время на диалог. Никто из компании, сопровождавшей Акселя, не успел им ничего ответить.

«Только в рабов стрелять умеют, какие это воины»,— думал Аксель. О том, чтобы освободить его, никто не задумывался: бойцы ОМОНа, казалось, не обращали на него никакого внимания. «Может, это тоже хорошо» — думал он, наслаждаясь весенним воздухом и внезапно обретенной свободой.

— Кто бы мог подумать,— усмехнулся он про себя — что в наручниках можно стать гораздо свободнее.

С той стороны, куда побежали ОМОНовцы, послышались выстрелы и крики, и Аксель обернулся. Он не видел происходившее на детской площадке, но понимал, что, скорее всего, те, кто там собрался, тоже не сумели оказать какое-то сопротивление. «Странно, у них же коктейли были» — думал Аксель. Однако нельзя сказать, что он переживал за воинов Свободы и желал, чтобы они победили сейчас. Он хотел, чтобы рядом оказался кто-нибудь из обычных прохожих и освободил его — ведь для этого всего лишь нужно было достать ключ из кармана мертвого автоматчика. Ну почему его убили так далеко от него!

Но никаких прохожих не было — все, кто мог, спрятались, на улице были только воины Свободы, а значит, только они могли открыть замок. А дальше... Он не хотел даже думать.

Похоже, что с детской площадки кого-то тащили: парень в черном капюшоне орал и пытался вырваться, но ОМОНовцы повалили его на землю и начали избивать дубинками. Непонятно откуда взялась женщина в платке («Мама»,— подумал Аксель) и стала умолять бойцов прекратить избиение. Выдав лежащему еще пару ударов, они прекратили и даже помогли парню встать. Однако Аксель понял, что отпускать его не собираются.

ОМОНовцы взяли человека под руки и потащили в сторону автомобиля. «Сейчас и меня увидят,— подумал Аксель — Все-таки, надо их попросить. Это единственный шанс». Со стороны двора выбежала совсем молоденькая девушка — она подбежала к парню и, не обращая внимания на ОМОН, стала обнимать его и целовать.

— Не отпускай,— доносился до Акселя ее голос.— Не отдам его вам, выродки!

(Окончание следует)